

НАТАЛЬЯ
БУЛАНОВА

АКАДЕМИЯ
ЗОЖ

*ЗДЕСЬ
ОПАСНО ЖИТЬ

Дилогия ЗОЖ

Наталья Буланова
Академия ЗОЖ – 2

«Автор»

2019

Буланова Н.

Академия ЗОЖ – 2 / Н. Буланова — «Автор», 2019 — (Диалогия ЗОЖ)

Здесь Опасно Жить вдвойне! Академия, где тело могут угнать, как метлу с парковки. Место, где настоящую меня видят разве что ожившее кредитное чучело, летающее бревно с чудо-грибочками и тот, кого хотелось бы видеть в этом списке последним. Воровку в моем настоящем теле рьяно защищает красавец-укротитель, тем самым выворачивая мою душу наизнанку, а куратор-дракон хоть сейчас готов жениться на возлюбленной, тело которой я занимаю. Да и, ко всему прочему, брат мой – карликовый кот, оказался тем еще сюрпризом... Но все ли обстоит так, как кажется?

© Буланова Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Буланова

Академия ЗОЖ – 2

Глава 1

Знаете, каково смотреть в слепую любящие глаза и понимать, что взгляд адресован не тебе? Наблюдать, как скорбные морщины от глубокого горя потери любимой разглаживаются, губы дрожат в несмелой улыбке, а в потухших глазах вновь загорается жизнь. На лице мужчины в этот момент можно прочесть так много: радость, полная боязни, опасение спугнуть шанс громким словом или резким движением, и откровенное счастье, что озаряет все вокруг внутренним светом. Мрачные тени под глазами проясняются, впалые щеки сменяют цвет с почти серого на здоровый телесный, а сгорбленная горем фигура разгибается, распрямляется, расправляются плечи.

Это было подобно перерождению. И это чудо мне предстояло разрушить признанием.

– М... М... Мари?... – дракон смотрит мне в глаза с таким душевным надломом, что за него болит сердце. Его любовь так отчаянна, что вопреки всему услышанному в Долине Мертвых, Эрис готов поверить в возвращение возлюбленной. Безумно этого хочет, а потому отменяет все доводы рассудка.

Нужно сказать правду как можно скорее, не терзая трансформатора ложными надеждами. И, к несчастью, это должна сделать я.

От одной мысли, как глаза Драгоса потухнут, а сам он рухнет в бездну отчаяния, горло сдавливалось удавкой. Но куда хуже будет, если слепая радость и пустые надежды расцветут буйным цветом. Преисподняя покажется райским местечком по сравнению с тем, через что тогда пройдет куратор трансформаторов.

Помнится, призрачная ведьма обмолвилась, что видела интерес Эриса ко мне. Чушь! Видя сейчас светловолосую Мари в глазах Драгоса, я прочувствовала на себе разницу взглядов – настоящая любовь против мужского любопытства, ни капельки чувств больше.

От захлестывающих Драгоса эмоций пробрало и меня – волна мурашек осколками прошлась по чужому телу, в котором оказалась я. Скручивающая канатами боль в мышцах приоткрылась желчной правдой, что разъедала мою душу – придется быть его любовным палачом. Худшая роль!

Но как бы мне не было тяжело – Эрису в стократ тяжелее. Несмотря на то, что я потеряла свое тело и, казалось бы, должна в первую очередь волноваться о своем незавидном положении, я верила, что верну себе полноценную «Дженни». По крайней мере, у меня был шанс.

Зак! – скажете вы. – Почему ты тогда о нем в первую очередь не переживаешь?

А я отвечу, что у брата есть пронырливая ворона, Алан, что помнит о спасении неудачливого кота, и я – живая, и совершенно неважно в чем я теле – это мне не мешает его спасти.

Возможно, потом наступит отрезвляющее и болезненное понимание, после которого я буду с упоением купаться в слезах о своей доле, сетовать на жизнь и проклинать призрачную ведьму. Кто знает? Но пока я даже о выворачивающей наизнанку боли забываю, когда смотрю на ожидающего ответа Драгоса.

–Х-х-х... – только и смогла издать я, вместо признания. А потом и вовсе горло будто сохло и перестало издавать какие-либо звуки.

– Прости, Мари, прости, – неожиданно Эрис стал осыпать мое лицо поцелуями. – Не говори ни слова! Твое тело еще не приспособлено к полноценной жизни. Нужно было дожидаться крови Дженни, но я думал, что ты... – дракон замолчал, тряхнул головой и продол-

жил: – Не бери в голову. Я все достану. Все сделаю. Ты только будь, ладно? Не бойся – я с тобой, теперь все хорошо. Все будет хорошо.

Точно! Они же хотели взять мою кровь для оживления Мари, так как кровь волшебных созданий из Диких земель не справлялась с полноценным поддержанием организма. И это поможет? Вряд ли знают точно! Возможно, мне светит участь зомби, и я в полуразложившемся виде пойду отвоевывать у призрачной ведьмы свое тело?

Куратор держал мою голову и слегка покачивался в воздухе так, будто убаюкивал младенца. Прижимался щекой к щеке, лбом ко лбу, а я в это время обнаружила, что почти не могу двигаться – разве что иногда шевельнется палец или дернется рука.

Драгос вдруг приложил палец к моим губам и прошептал, проникновенно заглядывая в глаза:

– Поспи немного. Не успеешь соскучиться, как я уже вернусь с необходимым, и ты почувствуешь себя лучше, – куратор положил мою голову на твердую поверхность и встал на ноги, закрыл ладонью мои глаза и я почувствовал свинцовую тяжесть век. Миг – и я уже сплю.

Из непроглядной пучины сна меня вылавливали, по ощущениям, словно рыбу из пруда – на острый крючок. Точечная боль мешала заснуть дальше и постепенно я смогла сбросить дрему и сосредоточиться на действительности.

А в реальности острым крючком оказались тонкие пальцы моего тела, что щипали меня несколько остервенело под руководством призрачной ведьмы внутри, которая приглушено шипела на меня:

– Просыпайся! Про-сы-пай-ся! Дай мне посмотреть в твои глаза, перед тем как отправить на тот свет! Ты не можешь быть Мари. Просыпайся!

Я встретила с собственными зелеными глазами и поблагодарила судьбу, что у меня просто не было сил на какое-либо выражение эмоций. Иначе бы заорала, а потом бы ринулась в бой, не думая о последствиях.

Тот же разрез глаз, что каждое утро я видела в зеркале... Но почему он так знаком и чужд одновременно? Наверное, потому что у меня никогда не было столько злости и высокомерия в глазах, я никогда так презрительно не кривила губы и не держала спину прямой, как палка. А голос? Это мой голос? Почему он звучит так... странно?

Веки моего нового тела так и норовили закрыться, но я была благодарна за маленький дар небес – сил смотреть на это безобразие у меня не было.

– Не спи! – сильный щипок заставил меня вновь посмотреть на ведьму в моем теле. – Дженни?

Когда она изменила свой голос до слащавого, произнося мое имя, внутри завывла тревога: «Внимание! Внимание! Опасность!» Сейчас надо быть начеку! Более беззащитной, чем в эту минуту, я еще не была никогда, даже когда призрачная ведьма в Долине Мертвых собиралась отправить мою душу на перерождение. И я очень сомневалась, что здесь она из добрых побуждений.

Это Эрис настолько слеп от любви, что напрочь игнорирует очевидное, считает, что любимая чудом избежала горькой участи и вернулась к нему. А вот сама ведьма не была наивной – она лично отправила Мари на новый жизненный виток и видела, как Алан смог притянуть мою душу обратно. Поэтому надеяться, даже на долю секунды, что она увидит во мне Мари – не приходилось.

Тело Финис меня совершенно не слушалось, а глазные мышцы позволили осмотреться только с третьей попытки. Так я обнаружила, что лежу на кровати в просторной комнате в темных тонах и большим окном с плотными шторами. Напольный торшер приглушенно освещает

мое собственное тело, что стоит у кровати на коленях и судорожно сжимает что-то в руке. От позы веет угрозой, но у меня нет сил, чтобы сейчас противостоять своему врагу. Что же делать?

Шум за дверью прервал мои размышления, в комнату влетел Эрис, на ходу вытирая мокрые волосы полотенцем. На чистой одежде, которую дракон одел после душа, начали проступать пятна крови, а лицо куратора было в кровавых подтеках, местами опухшее, местами синее от синяков, что на глазах начали приобретать желто-фиолетовый оттенок – работала усиленная регенерация.

– Ащ! Мари, прости мой вид, не думал, что ты уже очнулась. Этот щенок Кертис как оглох, не отдавал Дженни, как я не объяснял. Пришлось преподать ему урок...

Палец на руке дернулся, и ведьма тут же уловила движение – жгуче посмотрела на меня и вопросительно приподняла брови. Но промолчала.

Надеюсь, Алан там в порядке! Да и, судя по виду дракона, урок был взаимным – это немного приободрило и придало сил. Одержимость дракона слегка пугала: конечно, я понимала – он видел обескровленное тело возлюбленной и готов горы свернуть, лишь бы она жила дальше, но я не знала, есть ли у него пределы, или же он пойдет на все ради своей Мари.

– Куратор Драгос, не пугайте ее своим видом, у Вас опять одежда в крови... – ведьма постаралась говорить как можно милее, но как по мне – то выглядело насквозь фальшиво. Эрис обязательно заметит подмену! Вот сейчас! Вот почти! Вот...

Но Драгос не сводил с меня сияющих глаз, полностью опьяненный счастьем и обеспокоенный здоровьем Мари, он не замечал ничего вокруг. Кажется, если бы сейчас ведьма сделала бы признание, то и тогда бы он не заметил.

Эрис кивнул в знак согласия с доводами ведьмы, тепло мне улыбнулся и вышел за дверь. И тут же все дружелюбие слетело с неупокоенной души в моем теле.

– Дже-е-е-енни-и-и, – протянула нараспев она. – Это же ты?

Я видела, как она поднимает сжатый кулак, и поняла, что надо срочно спасать себя любым путем, а потом уже мстить. Потому что чтобы возвращать долги нужно быть как минимум живой, а для этого сейчас мне нужно очень постараться.

Я непонимающе хлопнула несколько раз глазами, стараясь придать лицу растерянное выражение лица. Да-да, у меня отшибло память – ничегошеньки не знаю и не помню.

Снова шум за дверью, а через секунду в комнату быстро входит Драгос в чистой футболке. Такой домашний и сосредоточенный одновременно, что ведьма на секунду засмотрелась, напоминая мне о том, что моя вражина к нему равнодушна. Синяки и подтеки были уже еле видны, а мокрые волосы делали мужчину действительно привлекательным. Возможно, я бы тоже позволила себе пару секунд полюбоваться эстетикой, если бы не более серьезные проблемы.

– Дженни, а ты точно запомнила, что тебе тогда сказала эта гримза? – Драгос присел на край кровати и взял меня за руку, беспокойно рассматривая меня со всех сторон. – Ошибки не будет?

Гримза? Это он про кого?

Ведьма дернулась, как от пощечины, и я удивленно скосила на нее глаза. Неужели – про нее? Ха! Получила?! Так тебе и надо! Э-э-эрис, продолжай!

– Да, – «гримза» проглотила обиду с трудом, выдав в удивлении однозначный ответ, что явно не устроил дракона. Ему подавай подробностей!

– Какая ты молодец, что в такой момент подумала об этом и смогла вытрясти с этой стервы хоть что-то полезное. Знаешь, я столько раз порывался ее рассеять над Долиной Мертвых, что не сосчитать! – Эрис так серьезно сказал это, что ведьма, которая сидела на коленях недалеко от него, подавилась воздухом и закашлялась. Драгос отпустил мою руку, дотянулся до кувшина на столике у кровати и налил стакан воды.

– Угу, – поблагодарила его ведьма и стала пить глоток за глотком, слушая дальше.

– Только Мари удерживала меня от этого поступка, – Эрис не замечал состояние поддельной адепки. – А потом еще эта ситуация с телом и постоянным вливанием. Эта тварь мне столько крови выпила – больше чем понадобилось Мари!

– П-ф-ф! – прыснула в сторону ведьма, подавившись водой. Прозрачные струйки жидкости потекли даже из носа – до того проняло призрачную старушку откровение дракона.

Ишь! А ты что думала?! Поделом тебе!

Я возликовала!

Видимо, мои уголки губ дрогнули, так как Эрис вдруг полностью сосредоточился на мне: наклонился и провел рукой по лицу, тепло улыбнувшись:

– Мари, я заболтался, прости, – а потом посмотрел на часто-часто моргающую «Дженни» и спросил: – Эй, ты в порядке?

– Да-да, – поспешно ответила та. – Вода не в то горло попала.

– Дженни, Мари столько ждала все это время. Помогите ей. Я в долгу не останусь, – моя рука вновь оказалась в руке дракона, он крепко ее сжал на последних словах, после чего испугался, что сдавил очень сильно и поднял к губам, поцеловав.

Зеленые глаза полыхнули ревностью, лицо перекошилось, а я закатила глаза, с ужасом думая: «Это я когда ревную? У-у-у, больше – не в жизнь! Никогда-никогда, а то ведь так и остаться может!»

– Дженни, – Драгос повернулся к ведьме в моем теле и нахмурился: – Ты точно уверена в услышанном? Хуже не сделаем?

Ведьма на секунду прикрыла глаза, беря себя в руки, после чего высокомерно подняла голову и окинула куратора по-женски обиженным взглядом:

– Уверена.

Да-а-а, сколько веков женщина бы не прожила, какой бы ведьмой и в каком поколении не была – любовь – штука серьезная. Даже ее колбасит!

– У нее нет сил даже говорить, да? – уточнила она, поглядывая на меня с сомнением.

– Да, ни слова не произнесла. И шевелиться не может.

– А ты узнал в ней Мари? – как бы между прочим спросила она, задержав взгляд на руке дракона, которая не отпускала мою руку. Зеленые глаза зло сузились.

Тревога! Она так легко поймет, что я – это я. Надо по мере сил разыграть полное непонимание.

Я активно похлопала глазами и стала переводить беспокойный взгляд с одного на другого. Эрис тут же напрягся и привстал, обеспокоенный моим состоянием. А я потратила все силы, чтобы постараться выдернуть руку из его хватки. Получилось очень слабое движение, скорее мелкий рывок, но и он не остался незамеченным этими двумя.

Драгос нахмурился, а ведьма заинтересованно пробежалась по мне взглядом и сказала:

– Давай уменьшим риск и дадим маленькую дозу. Она позволит ей говорить, – и улыбнулась, глядя мне прямо в глаза, будто посылая мысль: «Вот тут-то я и посмотрю, кто ты там есть, заблудшая душонка!»

Я метнула взгляд к дракону, но он даже не заметил, что ведьма по-свойски ему «тыкнула», как никогда бы не сделала я. Но влюбленный Драгос – непрошибаемый Драгос – дальше Мари ничего не видит!

– А двигаться? – забеспокоился Эрис.

– Если не будет отторжения – продолжим.

– Ты не знаешь же, – Драгом замаялся, явно чувствуя свою вину. – Мы уже делали пробу с гримзой на восприятие Мари твоей крови, когда я спас тебя от падения с бревна. Все прошло хорошо, Мари смогла на несколько часов вернуться в тело. Но потом ведьма сказала, что эффект кончается, и надо прекращать, вот только теперь я сомневаюсь в каждом ее слове.

Мари вернулась, хотя она говорила, что это уже невозможно, и тело не так плохо удерживает ее дух даже на крови волшебных созданий. Так что давай вольем сразу нужный объем без проб.

«Дженни» склонила голову вниз так, что ни мне, ни Эрису не было видно выражение ее лица. Но я-то понимала весь смак ситуации и то, что ведьма спрятала лицо, потому что его неслабо перекосило. Прошла минута молчания, которую разорвал Драгос:

– Арива, – тихо окликнул он. – Тебе досталось, да? А я все о своем?

Куратор отпустил мою руку и присел рядом с «Дженни», потрепал ее по голове и сказал:

– Я твой должник. Проси все, что хочешь взамен. Давай сделаем уже это неприятную для всех процедуру и я верну тебя обратно, чтобы ты как следует отдохнула. Или оставайся здесь до завтра – выбирай сама. Тебе сегодня пришлось лихо, а я еще от тебя что-то хочу. Ты, наверное, меня ненавидишь?

«Дженни» медленно подняла голову, в зеленых глазах стояли слезы:

– Могу попросить все, что пожелаю?

Эрис тепло улыбнулся:

– Тебе эту просьбу даже не надо произносить вслух. Я сделаю.

Ведьма удивленно округлила глаза, сбита с толку. Я же заинтересованно покосилась в сторону дракона, ожидая продолжения:

– Знаю, насколько тебе дорог брат и как сильно ты за него переживаешь, поэтому помогу с его поисками и спасением, как только поднимем на ноги Мари.

Вот так, Драгос! В моральный нокаут ее! Правильно!

О-о-о, это выражение лица, когда через мои черты просвечивается настоящая суть призрачной ведьмы... Незабываемо! Оно стоит запечатления в памяти навеки вечные с пометкой: «Как виртуозно попасть в свои же сети».

И ведь теперь гадине не отвертеться: задумает попросить другое желание и откажется от помощи в спасении Зака – привлечет неминуемые подозрения. А так как последние часы я буквально бредила способами спасения брата, ведьма просто не рискнет пойти вразрез, демонстрируя другое поведение.

Ах, какое же сладкое чувство – когда у врага не ладится!

– Ну что, по рукам? – Эрис подставил ладонь, чтобы «Дженни» скрепила сделку, но ведьма лишь задрала подбородок вверх, словно это было выше ее достоинства, а потом стала обмахиваться рукой, словно веером.

И что?! Драгос – ты и этого не заметил? Очевидно же, что у меня никогда таких великосветских замашек не было! Или такие мелочи способна увидеть я одна?

– По рукам, – ведьма не смогла скрыть недовольства, продолжая обмахивать лицо рукой, но Драгос принял ее поведение за усталость, еще раз посочувствовал, не забывая подгонять в деле.

– Мари, тебе лучше закрыть глаза, – Эрис подошел ко мне с черным лоскутом ткани и в два ловких движения соорудил мне повязку на глаза, лишая возможности следить за их действиями. – Если сможешь – поспи.

Как же – поспишь тут! В этой ситуации радуется одно – ведьма не смогла отвертеться от помощи, как бы не старалась, ведь дракон оказался в тысячу раз настойчивее. Почему-то в голову пришла мысль, что если бы Эрис вдруг стал привидением, не найдя покой, вся бы академия взвыла.

Ух, не приведи случай!

Я почувствовала бережное но крепкое прикосновение к рукам и с облегчением выдохнула – сейчас до меня дотрагивался Драгос. Хоть я до этого и как могла мысленно развлекала себя, все равно испытывала настоящий стресс из-за предстоящих действий ведьмы. Что она со мной сделает? Не навредит?

Но Эрис, к моему облегчению, пока и не думал отходить от меня: обматывал запястья чем-то тонким, и мне тут же вспомнились нити в сарае, что шли из странных шариков к Мари. Видимо, сейчас он сделал нечто похожее на руках и ногах, после чего перешел на живот, приподнимая ткань предполагаемой кофты. Почему предполагаемой? Да потому что я не обратила никакого внимания на одежду Мари ни в сарае, ни сейчас. Зато ощущала движения и прикосновения, что в темноте были явственней и чувствовались более ярко.

Шея, предплечья, локти, колени, щиколотки – постепенно нити оплели все мое тело. После чего я почувствовала первый укол и зудящее желание тут же выдернуть раздражитель из кожи. Вновь укол – и вновь иголка остается в теле, а Эрис говорит:

– Одно хорошо в этой гримзе – она заставила меня закупиться материалами с запасом и оставить в разных местах, чтобы иметь возможность быстро оказать помощь Мари.

И тут мне в ухо шумно и возмущенно выдохнули, отчего я внутренне вздрогнула, а вот внешне осталась абсолютно безучастна. Но не из-за моей великой силы воли, нет-нет! Дело в том, что сил совсем не осталось ни на малейшее проявление эмоций.

А ведь я даже не почувствовала ведьму рядом, хотя присутствие и положение тела Эриса могла в темноте определить прекрасно уже через пару минут в режиме «без зрения». Что это: нечувствительность к собственному телу или нечто другое?

Пока это было загадкой...

– Дженни, давай я, – Эрис закончил экзекуцию с иглами над моим телом и готов был сразу перейти к следующему шагу, в то время пока я ощущала себя ежом.

– Ай! – совсем по-девчачье тонко взвизгнула ведьма моим голосом. А потом добавила удивлено и с упреком: – Больно!

Ага, гадина, отвыкла от смертного тельца? Надеюсь, она мое тело еще не успела в стенку впечатать с размаху, собираясь по призрачной привычке пройти насквозь? Уверена – разбитый нос мне не к лицу...

Эх, то кикимора, то ведьма – и все им мое тело подавай! Губа не дура! Да для этой призрачной ведьмы должно быть верхом мечтаний захватить тело Йеси и завершить свою миссию в мире живых, так нет – амбиции, амбиции! Вот бы мне тоже взять планку повыше и не просто отправить ведьму на перерождение, а найти способ, чтобы, как и говорил дракон – рассеять ее душу без возможности искупления. Было бы идеально!

Что-то я мстительной становлюсь! Уж не оттого ли, что в меня воткнуты сотни иголок? Думаю, тут любой бы душкой-лапочкой не был!

Но... Стойте... Я чувствую прилив энергии, что пока проявляла себя только в усиленных мозговых процессах, но я уверена – пойдет и дальше.

Оказалось, что наполняться силой – безумно приятно морально, но больно физически. Когда каждая мышца в теле получила непривычно большое питание, то каждая начала сокращаться в болезненных спазмах, заставляя изгибаться в разные стороны.

Драгос пытался зафиксировать меня на месте, но я не могла остановиться. Иголки впились глубже, дракон ругался нецензурно и громко, и все это, казалось, будет продолжаться бесконечно долго, пока в один миг вдруг боль не ушла так резко, словно переключили рычажок включения.

– Не шевелись, Мари! Я вытащу иглы, – Эрис расслабил хватку на моих плечах, убрал свои колени с моих бедер и я почувствовала себя легкой, как перышко. Мда-а-а, утяжелитель из дракона слишком весомый, пусть он и контролировал давление веса, но места, где он держал меня, жалобно заняли.

Но я была рада этой боли! Я жива! Я чувствую! Я могу двигаться!

Еле дождалась момента, когда последняя иголка оказалась в руках Драгоса и рванула, чтобы сесть на кровати. Рванула мысленно, а на деле лишь жалобно дернулась спина в попытке привстать, после чего рухнула обратно на постель.

– Не торопись, Мари! Тело еще не заработало нормально. Сейчас провожу Дженни и сделаю тебе массаж всего тела – после него пойдешь, как миленькая.

– Массаж?! – возмутилась ведьма.

Массаж? – про себя вскрикнула я, беззвучно открывая рот.

Глава 2

– Эрис... – нервно бросила «Дженни», и трансформатор в этот раз заметил промашку с «тыканием», но отреагировал снисходительной улыбкой, готовый простить спасительнице все. Ведьма прикусила язык на полуслове и моментально исправилась: – Куратор Драгос, позвольте мне остаться с Мари наедине. Я знаю способ, после которого она быстро встанет на ноги и без массажа.

Ха! Собственница какая, эта призрачная ведьма! Или она хочет воспользоваться поводом остаться со мной наедине и по-быстрому расправиться с нежеланной конкуренткой?

Второй вариант плох, очень плох. Для меня. Между массажем и жизнью выбор очевиден. Но Драгос, опьяненный счастьем возвращения любимой и преисполненный благодарностью к ведьме, уже готов был дать согласие, пока не встретился со мной глазами. Я попыталась как можно незаметней показать, что «нет, нельзя, не оставляй меня с ней», и мужчина уловил мое нежелание, но понял по-своему.

– Мари, я же рядом, не переживай. Эта девочка только что спасла тебе жизнь и не сделает ничего плохого. Даже если из ее затеи ничего не выйдет, ничего страшного. И массаж все равно за мной.

«Дженни» смерила меня смертоносным взглядом и я поняла – мои минуты жизни будут сочтены, если срочно не предпринять меры. Эта дама шла к своей цели не один десяток лет, и от такой помехи как я избавится без сожаления. Уж если она свою пра-пра-пра...внучку так легко положила на алтарь своих желаний, то кто я такая, чтобы остановить ее? А сейчас я стояла четко на ее пути к куратору трансформаторов.

У Драгоса защиты не попросишь, объяснить все физическое состояние тела Мари не позволяло. Даже намекнуть не смогу, ведьма быстро уловит ход мыслей и срубит дерево надежды на корню. Нет, мне нужно сначала прийти в себя, восполнить силы и найти способ с ней расквитаться, а уж потом бросаться правдой в глаза. Призрачная ведьма уже не раз дурила дракона своими сказками – ей ничего не стоит запудрить ему мозги еще разок. Нужно быть крайне осмотрительной.

Попыталась прочистить горло, но издала звук похожий скорее на скрежет железа, нежели на просьбу попить. Поймала обеспокоенный взгляд Драгоса и жестом показала, что мучаюсь жаждой. И уже через несколько секунд стакан с водой был заботливо поднесен к моим губам.

– Будешь еще? Ты так быстро его опустошила... – Эрис заглянул мне в лицо и понял без слов: – Секунду.

И вот, когда два стакана воды смочили мне горло, и я почувствовала себя значительно лучше и бодрее, я смогла выдавить из себя спасительное:

– Вы кто?

Замешательство и подозрение повисли густым туманом в комнате. Драгос удивленно подбирая слова, бегая беспокойным взглядом по моему лицу, а «Дженни» мучительно долго не сводила с меня тяжелого взгляда. Я даже не думала, что способна так смотреть – аж мурашки по коже. Все-таки душа меняет тело, как ни крути...

– Мари, ты меня не помнишь? Я – Эрис, твой жених, – Драгос так сильно сжал мою руку, что я сдавлено шикнула от боли. – Узнаешь меня?

Я вырвала руку из болезненной хватки паникующего дракона, и перевела вопросительный взгляд на ведьму в моем теле. Подозрительный прищур зеленых глаз был мне ответом – пока враг сильно сомневался в моей амнезии и личности. Нужно играть убедительней.

Я рассеяно обвела взглядом помещение, попробовала присесть, стараясь убрать от себя руки тут же бросившегося на помощь Драгоса, и опасливо поежилась уже в сидячем положении:

– Я вас не знаю.

Силы приходили постепенно, тело оживало, и я могла более-менее свободно действовать руками. Обхватила себя за плечи в защитном жесте и с призывом о помощи посмотрела в глаза ведьме. Та даже встрепенулась, не ожидая от меня поисков защитника в ее лице, маска подозрительности треснула, а я про себя усмехнулась. Попалась! Есть, я нащупала нужную ниточку, теперь остается за нее исправно дергать и как можно меньше подходить к Драгосу.

– Мари, наверное, это временный эффект. Не переживай, скоро ты вспомнишь, – Драгос сел рядом со мной и я отринула от него назад, но не удержала равновесия и завалилась спиной на постель под его отчаянный зов-просьбу: – Мари-и-и!

Глаза Драгоса отчаянно молили помнить «нашу» любовь, но я упрямо смотрела на «Дженни» в поисках поддержки, как у представительницы слабого пола. И ведьма засомневалась в своих выводах, дрогнула уверенность в личности в теле Мари, она неуверенно повела головой и спросила:

– Как тебя зовут?

Я моргнула и заставила взгляд застыть, будто в запоздалом понимании, что я не могу вспомнить собственную личность. После чего хриловато, из-за сухости в горле, всхлипнула и опустила голову, всей душой надеясь на нужный эффект.

Я почувствовала, как Драгос опустил руку мне на плечо, приобнимая и притягивая к себе, и рванула в сторону, запуталась в ногах и свалилась на пол. Старательно округляя глаза, отползла подальше и постаралась придать себе как можно более панический вид.

На лице ведьмы мелькнуло неподдельное удовольствие от сцены, которую она только что наблюдала. Она тут же нашлась – подошла к куратору, погладила его по плечу и выразила поддержку, прижимаясь к телу мужчины:

– Эрис, не переживай. Я слышала о случаях, когда поведение менялось до неузнаваемости даже после временной остановки сердца, а тут такое испытание...

Драгос поднял руку вверх и тряхнул ей, сбрасывая цепкую хватку призрачной ведьмы, и с болью посмотрел на меня. Он снова не заметил оплошности «Дженни» в разговоре, полностью сосредоточенный на своей Мари.

– Куратор Драгос, Вы обещали мне помочь с братом. Он в большой беде, – ведьма потащила Эриса за рукав и тот подарил ей абсолютно растерянный взгляд, с трудом понимая, что та от него хочет.

– Я нужен Мари. Не могу ее оставить в таком состоянии.

– Она сейчас боится незнакомого мужчину и ничего не понимает. Нужно оставить ее на время в покое, чтобы она свыклась с мыслями, отдохнула и поспала. А Зак в беде, я была бы уже на полпути к его спасению, если бы не помогала здесь... – ведьма без зазрений совести давила на все моральные кнопки Драгоса, до которых могла дотянуться. А потом добила упреком: – Вы обещали!

– Обещал, – хрипло согласился Драгос, не сводя с меня расстроенного взгляда.

– Мари в безопасности, с ней ничего не случится, – продолжала ведьма, оттягивая рукав дракона. А потом посмотрела на меня и скорее констатировала факт, чем спросила: – Мари, ведь тебе хочется поспать?

– Да, – согласилась я. – Идите. Мне нужно побыть одной.

– Но... Мари... – Эрис колебался.

– Идите. Вы меня пугаете.

Драгос дернулся, как от пощечины, но я подумала, что это и к лучшему. Все равно вскоре Эрис должен будет съесть горькую пилюлю правды, пусть лучше не тешит себя ложными надеждами. Зато эта ситуация заставила ведьму полностью успокоиться и даже победоносно улыбаться, утягивая куратора за собой. Я же получила временную передышку и возможность набраться сил в борьбе за свое тело.

Медленно забралась на кровать и села, растеряно смотря по сторонам, но не замечая ничего вокруг, погруженная в свои мысли. В доме повисла оглушительная тишина, говорящая о том, что Эрис все-таки отправился на помощь Заку. Но это по версии ведьмы, которой я совсем не доверяла и сильно сомневалась, что эта зараза действительно поможет Заку. Скорее протянет время, воспользовавшись возможностью вбить клинья в отношения между драконом и Мари, да и сама не упустит шанса сблизиться с куратором. Не зря же она тогда кикимору на соблазнение посылала – подготавливала почву.

Вдруг стекло комнаты зазвенело так, будто в него со всего размаху что-то врезалось. Я подпрыгнула от неожиданности, расплатившись мгновенной болью в теле, но тут же услышала повторение стеклянного звона. Что это?!

Громкое, угрожающее целостности стекла, «Дзынь» повторилось.

На заплетающихся ногах я поплелась к плотным шторам, что закрывали панорамные окна в пол, и медленно потянула за край, для безопасности подалась назад всем телом. Мало ли, отпрыгивать придется... Хотя, в моем случае, скорее – отползть.

За стеклом, на фоне чернильной темноты, вплотную к окну стояло чучело. Оно упорно билось соломенной башкой в стекло, пока не заметило меня. Узелок шнурка у правого уголка рта сиротливо болтался в воздухе, зато левый, без сомнения, натянулся бы до соломенных ушей, если бы у пугала таковые наличествовали. Лицо чучела выражало такую ошеломляющую радость, что я поняла – оно безошибочно узнало меня в чужом теле.

– Ты крепко стоишь на ногах! – пробормотала я, осматривая уже уверенно стоящее пугало, и вспоминая его метания из стороны в сторону у двери в аудиторию по зельеварению совсем недавно. И правда, эволюционирует!

Чучело ударило в стекло головой еще раз, и я замахала руками: «Не надо!». Тогда соломенный человек отступил на шаг назад, за его спиной что-то мелькнуло, но не успела я рассмотреть что именно, как пугало нашарило в порванной грудице слиток золота и со всего размаху запулило им стекло.

Стекло задрожало, но выстояло, после чего пошло красными рунами и дало сокрушительный отпор чучелу, ударив волной отдачи. Наше пугало хоть и было обременено кредитным увесистым золотишком, пташкой полетело к ближайшим кустам, а мои ладони вдруг засвербели чесоткой. Я недоуменно подняла руку к глазам и увидела руну, что гасла на бугорке большого пальца. Точь-в-точь такую, что в сотни повторов расписывала красным стекло окна. Защитная магия...

Это что же, Мари ставила защитные руны на дом Драгоса, заботясь о безопасности любимого? Или я чего-то не понимаю? У нас еще ни одного урока рунологии не было, чтобы хоть немного в этом разбираться. Похоже, придется осваивать все экстерном, ведь тело главной ведьмы академии могло подкинуть еще пару неожиданностей покруче сигнальных рун, оповещающих о попытке вскрытия.

Но что же чучело? Как оно там? В темноте было не разглядеть. Зато у стекла блеснул золотом слиток, на глазах отрастил одну маленькую ножку-закорючку и храбро попытался встать. На удивление, этот трюк удался ему с первой попытки, на зависть неукложему пугалу, после чего он пару секунд ловил баланс, а потом поскакал к месту приземления соломенного домика.

А Алан? Он тоже здесь? Почувствовал подделку и пришел мне на помощь? Не могло же одно чучело сюда добраться...

Я оглянулась на входную дверь, простонала от одной мысли о путешествии через весь дом и повернулась обратно к окну. Ну должно же хоть одно и больших стекол открываться, ведь так? Форточки для проветривания были предусмотрены и находились по бокам, но были настолько маленькими, что туда можно просунуть разве что руку, нога уже не пролезет. Но где же хоть одна ручка?

Я бегло осмотрела оконную раму, провела рукой по ровной деревянной поверхности и растеряно замерла – ни одного выступа, ручки, кнопки, механизма открытия. Ничего. В отчаянии положила ладонь на стекло и спросила вслух:

– Как же ты открываешься?

Стекло под моими пальцами растворилось, руна вспыхнула зеленым и погасла, и я, потеряв опору, вылетела на улицу, с размаху упав на колени. Пальцы утонули в траве, колени – в грязи, а я ошеломленно обернулась в сторону окна и прошептала:

– Ничего себе, Мари! Ты и такое умеешь! Не зря главной среди ведьм была!

Стекло уже полностью восстановилось и вновь преломляло слабый свет от светильника в глубине комнаты. Он пробирался через отодвинутые в сторону шторы, как заблудшая кошка в дом – через любую щель, освещал внутренний дворик чудаковатыми желтыми пятнами, держа меня в тени, словно скрывал мой печальный вид. А я, наконец, обратила внимания на одежду: темные свободные штаны и огромную футболку, что пострадали в неравной схватке с дворовой грязью и пятнами от травы.

Когда я уже восстановлю силы? Надоело чувствовать себя полуживой...

В кустах послышался шорок, пришли в движение ветки, зашуршали листья. Я встала и на полусогнутых ногах побрела в темный угол.

Где там мое чучело заблудшее? Все ли кредитное золотишко припрыгало на свои места? И где Алан? Он же внимательный и умный, наверное, быстро сообразил, что в моем теле фальшивка, сердцем почуял неладное и сейчас...

– Куратор... – я не видела Кертиса, но слышала его растерянное обращение ко мне, полное потаенной досады, от которого мышцы будто налились молочной кислотой, я встала, как вкопанная.

Темный силуэт отделился вечерней мглы и медленно двинулся в мою сторону. Движения тела, чей хозяин не желал подходить ближе, но был вынужден обстоятельствами, сказали мне правду раньше, чем я увидела его выражение лица... Он не узнал меня. Не почуял подставы. Не распознал фальшивку.

Обидно.

Блеклый свет упал на лицо укротителя, и я увидела тонкий росчерк алого шрама на носу. Алан поддерживал одной рукой другую в сгибе локтя и смотрел на меня, как на заклятого друга – со смешанными чувствами.

– Рад видеть Вас живой, – выдавил из себя Кертис и посмотрел поверх моей головы в сторону дома. Туда, где сквозь плотные шторы пробивался неяркий свет. – С Дженни все в порядке?

Дженни! Дженни?! Одна Дженни его волнует! Тьфу, то есть я его волную, но он ни черта не соображает!

Я отвернулась в сторону, чтобы не показать истинные чувства и постаралась воззвать к своему разуму. Ничего страшного не случилось! Когда ему было разбираться кто есть кто или замечать тонкости? Тут такая схватка душ недавно была, после нее даже дракон слеп, как котенок, что уж говорить... Да и Драгос ведьму в моем теле быстро забрал на мое спасение – когда там подмечать особенности поведения.

«Да. Верно. Так и есть!» – немного успокоила я себя, но Кертис понял мое молчание по своему и метнулся к дому, явно собираясь брать его штурмом.

– С ней все в порядке, – сказала ему в спину, и укротитель замер на месте, не поворачиваясь.

– Она в доме? – при этом вопросе его голос ожесточился, плечи напряглись... Неужели, не нравится, что «Дженни» в доме дракона?

Какое странное чувство захлестнуло меня при виде рвущегося в бой парня: и сладкое, и болезненное одновременно. Это же обо мне он так печется, так переживает. Но сам стоит ко мне спиной, совершенно не замечая мою душу в другом теле.

Может, рассказать? Откуда ему догадаться самому было?

Кертис повернулся в ожидании ответа, свет из окна обозначил его силуэт, а лицо скрылось в тени, эмоций совсем не видно.

– Нет, она ушла с Эрисом выручать Зака.

Я не видела мимики, зато вечерний ветер услужливо донес злость и ярость, что потоком исходили из парня после моих слов. Одни глаза в темноте угрожающе сверкнули золотым демоническим огнем. Алан промаршировал в сторону кустов, и приволок оттуда за шкуру пугало, поставил рядом со мной немного ослобелое на вид соломенное чудо и попросил:

– Присмотрите за чучелом, пожалуйста. Оно Дженни, а Вы перед ней в долгу... – не успел Кертис договорить, как соломенная рука со всего размаху отвесила ему оплеуху. Голова укротителя качнулась от удара в сторону, после чего Алан очень медленно повернулся и притянул к себе чучело за грудки. Молча прожигал его золотым огнем глаз, после чего оттолкнул от себя, как бесполезную и никчемную игрушку, что мешается под ногами.

Укротитель даже не посмотрел на озадаченную меня, развернулся на пятках и мгновенно скрылся в темноте зарослей. Через минуту в небо поднялся темный силуэт огромной птицы, шумно взмахивающей парусами-крыльями.

Ну конечно же, вот почему Кертис так быстро сюда добрался! Явно не бежал на пару с чучелом...

А ведь я даже не успела ничего ему объяснить!

Но, может, это и к лучшему? Пока я не восстановила силы и не поняла, как вернуть собственное тело лучше перестраховаться, а то Алан – парень горячий и эмоциональный, еще выдаст меня с головой перед ведьмой, и поминай меня, как звали...

Внутри все протестовало простив таким мыслей. Хотелось крикнуть прямо сейчас в ночное небо правду, чтобы Кертис вернулся и... и...

И никакого «и». Надо радоваться, что судьба сама помогла мне сейчас не надеть глупости и отвела от лишних откровений. Боюсь, укротитель после этого сам захотел бы избавиться от ведьмы, а действия на горячую руку могли быть чреватые последствиями. Нет, лучше подождать, пока Алан немного спустит злость, придет в себя, может, там и я поднаберусь сил и мы вместе сможем одолеть коварную злыдню.

Чучело сделало шаг ко мне и сдавило в объятиях, до боли сжимая косточки. Пришлось призвать всю изворотливость и силы, чтобы выскользнуть змейкой и отойти на пару шагов. Подобные выходы мне были еще «не по карману», меня зашатало как пьяную, и я упала на землю.

Чучело повторило за мной: зашаталось и опустилось рядом, а на соломенной мордахе такая безмятежная радость при виде меня, что в душе как-то разом отпустило. Пусть на мгновение, на секунду, но стало легче. Пусть уже со следующим вздохом все вернулось, но пугало помогло мысленно переключиться.

– А ты как здесь оказался? – не чувствуя в себе сил подняться, я просто расслабилась, решив поговорить с чучелом, совершенно не рассчитывая на ответ. – Сомневаюсь, что твоя эволюция позволила тебе удержаться на небольшой птице, – с грустным смешком сказала я: – И вряд ли ты летел на ней, прижимаясь к Кертису...

Картинка обнимашек в полете встала перед глазами, и я тихо прыснула от смеха, представив лицо Алана при этом. Наверное, никто из его достопочтимого рода укротителей и подумать не мог, что их потомок будет присматривать и воспитывать не только волшебных созданий из Диких земель, но и ожившее пугало.

Повернула голову в сторону чучела и смех застрял в горле – пугало зажало двумя руками палку и пыталось нарисовать что-то на земле. Выходило топорно, криво, но вполне узнаваемо.

– Да из тебя через пару месяцев такими темпами художник выйдет! Будем твои картины с Заком за миллионы продавать! Вот тогда ты правда станешь золотоносным чучелом!

А рисовал соломенный человек дракона и что-то болтающееся на его хвосте.

– Это Алан? Не отдает Дженни? – с грустью уточнила я.

Пугало очень критично посмотрело на меня, настолько осуждающе, насколько вообще можно смотреть темными провалами глаз, после чего тыкнул рукой себе в грудь.

– Это ты?! – догадалась я, и мой соломенный гость кивнул. – Ага, так ты увязался за драконом... Спасать Дженни?

Последний вопрос задала более тихо и расстроено, так как уже записала пугало в ряды догадавшихся о моей истинной личности, а тут на тебе – «Дженни» не хотел оставлять. Эх, ввело меня в заблуждение и его появление у дома, и так кстати данная Кертису оплеуха, от которой я, признаться, слегка возликовала...

Вдруг чучело тыкнуло меня рукой в плечо, а мордашка выражала великое осуждение.

– Что?! – не поняла я. – Что такое?

Чучело тыкнул меня в плечо еще раз. Потом тыкнул в грудь себя, и вновь повторил экзекуцию со мной.

– А-а-а... Меня? Ты пришел ко мне? – я против воли начала улыбаться, а глаза на секунду подернулись слезливой пеленой.

Чучело гордо кивнул, звякнули внутри него слитки, будто вторя хозяину домика и внося свою лепту в разговор.

– Невероятно... – протянула я, а потом не выдержала и сама обняла пугало. Первого, кто безошибочно признал истинную меня. – Вот не зря я тебя оживила! Не зря! Как же я тебя теперь такого гномам отдам за Зака, а? Золото-то от тебя ни-ни!

Чучело отстранился и покачал головой. Взял палочку и усердно калякал на земле в течение пары минут, после чего показал свое творение: символичное изображение человек и гнома и стрелочки туда и обратно по кругу.

– И что это означает? Что ты вернешься сам?

Соломенное чудо, жутко гордое от того, что его поняли, медленно кивнул.

– Да тебе цены нет! – рассмеялась я. – Так мы весь долг вернем, никто не докажет, что это одни и те же слитки! Ха! Да это первая возможность в мире самих гномов в долги вогнать! Жалко, правда, они кредиты не берут, в отличие от некоторых дураков...

Я замолчала, услышав шум крыльев. Подняла голову к чернильному небу, силясь рассмотреть что-нибудь на горизонте, но сидя практически ничего не было видно. Встала в пятой попытке, держась за чучело, после чего опять всмотрелась в темный звездный купол над головой и различила вдали галкообразный силуэт, увидела широкие взмахи крыльев.

Алан! Неужели понял, почувствовал и вернулся за мной?

Я даже на цыпочки приподнялась, рискуя упасть и не встать, до боли напрягая глаза, чтобы побыстрее увидеть Кертиса. Но когда в небе проступили контуры дракона, меня словно разом лишили сил.

Ты бы радовалась! – скажете вы. – Может, он Зака спас!

Но я знала, сердцем чувствовала, что ведьма скорее опять неупокоенной душой станет, чем мне поможет. И когда Драгос приземлился где-то на другой стороне двора перед домом, а после стремительной походкой влетел на задний двор, поняла, что тот вернулся с пустыми руками.

Эх, главное, чтобы без дурных вестей...

– Мари, ты что тут делаешь? И чучело...

– Ты нашел Зака? – я проигнорировала его вопрос, братец поважнее будет.

– Дженни его в комнате общежития нашла, он спал. Сказала, что больше не надо беспокоиться... – Эрис повернул меня за плечи к себе и осмотрел с головы до пят.

Спит? Нашла в комнате? Что-то тут не так... Мне бы нашу мелкую ворону найти – она-то точно знает, вернулся ли наш горемычный или нет, но...

Тут Драгос подхватил меня на руки и направился в дом, а от быстрого движения моя голова пошла кругом так, что все мысли вылетели, кроме одной:

- Чучело не забудь.
- Сначала с тобой разберусь.

Глава 3

Разбираться со мной оказалось для дракона делом непростым. Хотя моя одежда и была испачкана в грязи и всем своим видом требовала замены, и я сама сейчас была не сильнее хомячка, наотрез отказалась от помощи Эриса в переодевании. Во-первых, я действительно не хотела, чтобы он прикасался ко мне, а во-вторых, поддерживала роль потерявшей память, для которой трансформатор был чужим. Вот только план мой, как оказалось, висел на волоске..

– Мари, ты же все помнишь? – вдруг в лоб спросил Эрис, протягивая мне стопку чистой одежды. – Чучело говоришь забрать, про Зака спрашиваешь.

Наверное, я слишком быстро вскинула голову вверх и почему-то поспешно ответила: «Нет» вместо признания, тем самым лишь усилив подозрения Драгоса. Он галантно попридержал меня за локоть, помогая сесть на кровать, а когда распрямлялся, неожиданно несильно цапнул меня за ухо. Он лишь едва сжал зубами мочку, но я заголосила от шока так, будто тот откусил половину.

– Ащ-щ-щ! Прости! Я не должен так делать, – Эрис закрыл глаза на секунду в приступе раскаяния и скривил рот в бок от досады. А потом, глядя в глаза, с разочарованием заметил: – Ты и правда потеряла память. Раньше ты была без ума от этого...

– От укуса за ухо?! – я инстинктивно потрогала мочку и проверила ее сохранность.

– Да, – Драгос помрачнел, жалея о своем внезапном порыве. – Стоило так сделать, как тебе рвало крышу.

Боги, как же хорошо, что Мари нравились такие вещи на моральном уровне, а не на физическом. Потому что если бы мое временное тело вдруг выкинуло подобный номер, я бы пропала...

Глубокие омуты драконьих глаз смотрели на меня с затаенной в глубине болью, и я почувствовала себя настоящей воровкой чужого счастья, третьей лишней, той, кто подсматривает из шкафа за любовной парочкой. Муторное ощущение, душасщее, скверное, от которого в этом теле стало душно и тесно. Мелькнула мысль, что лучше уж вырваться из этого тела и блуждать ночами бесплотным духом, лишь бы не испытать подобное вновь.

Нужно признаться Эрису как можно скорее, нечего оттягивать неминуемую ампутацию чувств. Фантомные боли любви к ушедшей Мари будут неминуемы, но это в разы лучше запоздалого признания, когда дракон нафантазирует и поверит в счастливое будущее с любимой. Мне уже немоготу стоять на передовой любовной атаки, адресованной другой...

Но как начать? С места в карьер или издалека? Как к нему обратиться: Эрис или куратор Драгос? Где взять силы на весь этот эмоциональный апокалипсис?

– Эрис, – я обратилась неформально, решив, что мы прошли достаточно, чтобы я имела право обратиться так к куратору. Да и другое бы обращение сразу вогнало бы дракона в ступор:

– Ты знаешь, где сейчас призрачная ведьма?

– Ты что-то поняла о ней из нашего с Дженни разговора, да? – уточнил Драгос, помня о моей амнезии. – Тебе не стоит беспокоиться об угрозе с ее стороны, она нас больше не потревожит.

– Нет? Почему ты так уверен? – мне было интересно, что же так наплела воровка тел.

– Дженни рассказала мне о том, что случилось в Долине Мертвых. Она упокоила ее душу, отправила на перерождение, так что не забивай голову, лучше сосредоточься на восстановлении воспоминаний.

Я тяжело вздохнула, поняв, что для Драгоса привидение поменяло местами себя и Мари, без малейших зазрений совести. Но мой вздох был понят неправильно:

– Не веришь? – Драгос почему-то согласно хмыкнул. – Ты никогда ничему с первого раза не веришь, – и так улыбнулся, что я поняла – он увидел в этом хороший знак для себя, хотя сам

притянул все факты за уши. – Узнаю свою Мари! Хорошо, расскажу подробней, раз ты меня так радуешь результатами: три дня душа гримзы будет проходить очищение, и если в это время никто не призовет ее обратно из-за незаконченной на земле миссии, то мы распрощаемся с ней навсегда.

– Три дня? Миссия? – мой мозг начал хаотично работать в другом направлении. Мари можно спасти? Вернуть назад? Но как тогда быть с ведьмой с моим телом и со мной в теле возлюбленной дракона?

– Привидением или неуспокоенным духом не просто так становятся, – Эрис не замечал моего смятения. – Что гримза, что Мари, еще не окончили свои миссии на земле, у них есть свои причины здесь быть, свой долг души. Когда насильно упокаивают, как в случае с этой старой интриганкой, то в следующем перерождении ей предстоит нелегкая жизнь. Но поделом старой перечнице, не жалея ее...

Я посмотрела на готового на все ради своей любимой Эриса Драгоса и оценила свои шансы против Мари. Есть ли вероятность, что узнав правду, он выдернет мою душу отсюда и оставит болтаться в Долине Мертвых? Или же поможет с изгнанием ведьмы из моего тела? Сможет ли он, в случае провала, смириться с участием Мари в виде блуждающего духа? Ведь двум душам в одном теле не бывать!

Я еще раз оглядела с головы до ног пышущее силой тело мужчины. Его горящий взгляд, говорящий о несгибаемой решимости. Почувствовала мощь его чувств, они так сильны, что могут прожечь дыру в его груди... Сможет ли он поступить по совести? Или будет слепо следовать велениям сердца и порывов? Можно ли рассчитывать на разумный подход?

Если я признаюсь, у нас будет всего три дня. И у него, и у меня. Потом, вероятней всего, для одного из нас все кончится трагично.

Сомневаюсь, что мы так быстро сумеем найти управу на эту многовековую ведьму. Всего три дня...

Я живо представила, как на исходе третьего дня, когда мы с Эрисом так и не найдем способ вернуть все на свои места, он сочувственно смотрит мне в глаза и просит прощения. После чего без колебаний изгоняет мой дух и несется спасать свою непревзойденную Мари Финис. Финиш.

И кто тогда спасет Зака?

– Переодевайся, я пока принесу чучело, а то оно достало на меня пялиться, – донеслось до меня, словно сквозь вату.

Я вынырнула из размышлений и повернула голову в сторону окна, где в щелку между шторами подглядывал с улицы соломенный человек.

– Принеси его, пожалуйста, сюда.

Драгос хотел поспорить, ведь его Мари, наверное, по его размышлениям, имела к пугалу посредственное отношение, но передумал. Пожал плечами, явно не видя в кредитном чуде соперника, и вышел из комнаты. Возможно, знал о цене золотых слитков в нем и догадывался, откуда он у «Дженни» с Заком. Возможно, просто решил исполнить просьбу своей потерявшей память Мари и сделать ей приятно, заработав очки в личную копилку.

А мне пришла в голову идея. Рисковая, с отсроченным признанием, но с шансом сохранить в живых и меня и Мари...

Вот только мне явно не хватало знаний, чтобы понять потенциал реализации затеи. Зато была кикимора, с которой я еще не свела счеты и которая знала, где находится потаенная ведьмина книженция. Успеть бы добраться до ценного фолианта первой, не думаю, что призрачная ведьма...

– Доставка! – Эрис резко открыл дверь и втокнул в проем шатающееся соломенное чучело. – Ты уверена, что хочешь держать его здесь? Этот парень приставучий! Я нес сюда нашу спасительницу, а он вцепился мне в хвост не хуже ракеты с его клешнями и присосками.

Надо было его с Дженни обратно отнести, но она так торопила со спасением Зака, что я про него совсем забыл.

Чучело сделало бодрый шаг и начало заваливаться вперед, из-за чего куратору пришлось проявить ловкость и сноровку по ловле пугал в домашних условиях. Тест был успешно сдан, а соломенный человек вновь обрел баланс, корча мне довольные мордашки. Он явно спешил оказаться рядом со мной, но медлил из-за присутствия дракона. Соломенный человек периодически хмурился и смотрел в сторону Драгоса с явным предубеждением, уперев руки в боки.

– Оставь здесь. Он мне понравился, – попросила я, стараясь не смотреть в глаза Драгосу из-за своих внутренних колебаний «сказать/не сказать». Мне нужно еще немного времени подумать обо всем, чтобы не совершить ошибку.

– Он чумазый весь, – заметил Эрис, пытаясь поймать мой взгляд.

– Я тоже, – красноречиво покосилась на свою одежду, а потом на стопку чистой: – Я потом переоденусь, только чуть отдохну, ладно?

Драгос посмотрел на грязные ноги чучела, обернулся на коричневую цепочку следом и обвел сочувственным взглядом комнату, прощаясь с порядком и чистотой, после чего кивнул. Похоже, сегодня он готов стерпеть на радостях абсолютно все.

– Сейчас матрац принесу, – Эрис вопросительно посмотрел на пугало, пугало предвзято посмотрело в ответ: – Тебя же можно оставить так? Не упадешь? – после чего куратор заметил выражение соломенной морды и пригрозил: – Еще раз на меня так посмотришь – спалю нафиг, твое золотишко расплавится, но Дженни так даже удобней будет отдавать долг гномам.

Чучело преисполнилось важности, вскинуло морду вверх и неловко расставило ноги на ширину плеч, при этом слегка покачиваясь. Из зияющей в груди дыры высунулся слиток, что отрастил ногу, и возмущенно тыкал ей в сторону дракона, словно шпагой.

– Матрац для чучела? – я обрадовалась. Ничего себе у пугала сегодня почести! Вот сейчас вся бравада-то и слетит с этого чуда...

– Для себя! – возмутился Драгос, и выразительно посмотрел на кровать за моей спиной. – Ты же меня туда непустишь, верно?

Я инстинктивно подалась назад и обхватила себя руками:

– Нет!

– Я так и подумал, – понуро опустил голову Драгос, но я заметила его хитрый взгляд искоса. – Поэтому буду рядом, чтобы поскорее вернуть тебе память.

Чучело неожиданно быстро для него самого встало между нами, растопырило руки в стороны, преграждая дорогу Эрису, а золотой слиток храбро выпрыгнул из грудины и выставил вперед единственную, так заботливо отращенную ногу. Мои защитнички!

Нужно было срочно отвадить Драгоса, пока все кредитное золотишко не отрастило по миниатюрной шпаге, и действие не перешло в вооруженный конфликт, в ходе которого дракон подойдет от смеха, защекоченный этими тыкалками: – Мне нужно поспать и восстановить силы. Кроме того, я потеряла память и хотела бы побыть одна – переварить все услышанное.

– А он? – Драгос ревниво тыкнул пальцем в стоявшее распятым столбом чучело. Потом показал пальцем вниз на воинственный слиток и исправился: – А они?

– Посмотри, какие они милые в своей искренности. Мне с ними будет спокойно.

– А я не милый? – Драгос скривился при слове «милый», так как это определение явно было не по его шкурке, но на что только не пойдешь, ради любимой.

– Ты мужчина, – я постаралась голосом особо выделить его принадлежность к сильному полу и недальновидность давления на девушку, потерявшую память.

– Спасибо, что заметила. А то с момента пробуждения ты на меня смотришь как угодно, но только не как... – Эрис вдруг замолчал, опустил голову вниз и удивленно повернул ее в бок, рассматривая что-то на полу.

Чтобы увидеть предмет интереса мне пришлось наклониться вбок – обзору мешало чучело, стоявшее на страже моего спокойствия, и только тогда я заметила слиток, что уже стоял на двух ногах и тонкую золотую иглу, в его только что в выросших лапах. Размер слитка из-за вытянувшихся из «тельца» конечностей поубавился, зато прыти было – хоть отбавляй. Золотишко так увлечено пропихивало иглу в ботинок куратора, что никто не посмел его отвлекать, даже сам пострадавший – дракон.

Хм, похоже, личные разговоры здесь не нравились не только мне.

– Там слитков еще много внутри чучела, – тактично намекнула я слегка сбитому с толку трансформатору.

– А ты откуда знаешь? – метко стрельнул в меня вопросом Драгос и попал в цель – я на несколько секунд растерялась, после чего собралась с мыслями:

– На улице видела, – ай, надо быстрее спроваживать куратора, пока не лягнула еще чего лишнего: – Видишь, мне уже проблемно ответить на простой вопрос, надо поспать.

Я притянула к себе подушку и похлопала по ней, делая вид, что взбиваю. Рука слушалась плохо, поэтому получилось довольно таки кислое похлопывание, которое не осталось незамеченным Эрисом. Он нахмурился, дернул ногой, сбивая храбрый слиток с ног, и с мольбой посмотрел на меня:

– Мне уйти?

А глаза его так и говорили: «Скажи нет. Попроси остаться. Это же я – твой Эрис!»

– Уйди, – у меня получилось чересчур резко, и я смягчила: – Пожалуйста.

Драгос шагнул к чучелу, схватил его за шею и отволок в угол. Потом вернулся к уже позвякивающему иглой в его сторону слитку и взял его в руки:

– Этого я на перевоспитание возьму!

За золотце я не беспокоилась: таковым оно было только по названию, а по призванию – в точности да наоборот. Ну что ж, если дракон хочет разнообразить себе ночь, то я не против, ради такого дела могу даже еще парочку у чучела забрать, пусть Эрис пар выпускает, а то больно прыткий.

– Хорошо. Спокойной ночи, – попрощалась я, тоскливо поглядывая на чистую одежду. Эх, не осилю переодевания...

– Если что, зови, я рядом, – Драгос медлил на пороге.

– Угу, – буркнула, выжидающе поглядывая в сторону куратора. Ну когда же уже он уйдет?

– Мне точно уйти?

– Да! – я начинала терять терпение.

– А... – начал Эрис, но столкнулся с непроницаемой стеной моего взгляда и кивнул: – Ушел. Отдыхай. А завтра поговорим.

– Спокойной ночи, – еще раз повторила я, надеясь, что уж точно в последний раз. И внутренне напряглась из-за последней фразы. О чем он там хочет поговорить? Нет, конечно, нерешенных вопросов – тьма, начиная от того, как возвращать Мари на рабочее место и заканчивая их личными любовными темами, но я-то ой как не хотела во всем этом участвовать!

Мышцы спины заныли, подсказывая, что скоро они сдадутся от напряжения и я рухну на кровать. Как же жалко, что у меня нет какого-нибудь зелья силы, а то отправилась бы прямо сейчас на поиски кикиморы и заветного гримуара. Что-то мне подсказывало, что в той книжке есть масса полезного, не зря лицо Урсулы тогда так заинтересованно вытянулось...

Надеюсь, призрачная ведьма тоже с непривычки устала и не поспешит за книгой, иначе придется разрабатывать другой план. А отсчет-то идет!

И все-таки я нашла в себе силы кое-как переодеться. Мамино воспитание не позволяло даже в приступе смертельной усталости лечь в постель в грязной одежде. Зато чучело не было воспитано моей грозной родительницей-тигрицей, поэтому без малейших зазрений совести рухнул рядом на кровать, счастливо улыбаясь одним непорванным уголком рта.

– Надо тебе его пришить. Но завтра, ладно? – я поймала рукой болтающийся кончик шнурка и примерила его на место. Пугало беззаботно вытянулось по струнке с блаженным выражением морды и ничуть не беспокоилось об одной потерянной ценности. Похоже, за тот воинственный слиток оно было совершенно спокойно.

– Оживила я вас, так оживила, – устало глядя в потолок, протянула я. Подняла руки к глазам, рассматривая в рассеянном свете ночника чужие кисти, иную, чем у меня, форму ногтей, и чувствовала себя крайне неудобно. Что не удивительно, в чужой-то шкурке!

Интересно, а в этом теле у меня получится что-то оживить? Или сила напрямую связана с моим телом и кровью?

Я вяло осмотрела комнату, поняв, что сил не хватит даже чтобы сесть на кровати, а не то, что экспериментировать. С третьей попытки дотянулась до торшера и дернула за веревку, гася свет. Комната утонула в расслабляющем мраке, так и приглашавшем отправиться в царство сновидений. И, почти провалившись в сон, я почувствовала резкое движение рядом – чучело подняло голову и настороженно застыло, глядя в сторону окна.

Повернула голову, моргая, чтобы согнать налет дремы, и увидела в просвет штор, тонкий девичий силуэт в свете луны. Уже было обрадовалась, что это наша маленькая ворона оперативно выяснила всю правду благодаря слежке, но вдруг увидела, что та рисует руну на стекле, от контакта с магической защитой, что полыхала то зеленым, то красным. Хм, и когда это трансформаторы стали так разбираться в защитных рунах?

Чучело внезапно схватило край простыни с моей стороны и замотало меня в нее, превратив в рулет с ведьминской начинкой и отодвинув к противоположному краю кровати. Рядом матрац промялся под его весом – похоже, соломенный человек занял мое место, всколыхнулось в воздухе одеяло, и я решила пока не высовывать нос из укрытия. Пугало, пусть и состояло из соломы, но как истинно мое детище, вызывало у меня больше доверия, чем некоторые подозрительные личности. Подожду здесь, пожалуй, послушаю.

Через секунду гостья тихо вошла в комнату, легкая поступь шагов становилась отчетливой с ее приближением – она целенаправленно шла к кровати, не медля ни секунды. Вот тут я действительно насторожилась, так как Таяна не вела бы себя так уверенно в незнакомом помещении, в полумраке.

Чучело было идеально в сфере маскировки – ни единая соломинка не дрогнула, ни единый шнурок не лопнул, ни единый слиток не зазвенел. Все замерло в ожидании развития событий, а я, кажется, даже дышать перестала.

Шуршание одежды у кровати заставило мурашки волнами бегать по коже – до того это зловеще звучало в полуночной тишине.

«Звяк» – это совсем рядом скрежет металла звоном ударил по ушам, заставляя содрогнуться.

Что это может быть? Неужели, незваная гостья – ведьма, она всадила железяку в грудь чучелу и попала в слиток?

– Тыкалку убрала! – визг исходил примерно где-то из живота пугала. Но это не точно – ни черта же не вижу, что совсем не мешает моей челюсти упасть. – О! Я аж заголосил! Ну наконец-то выскажу все, что думаю!

– А? – я узнала свой ошарашенный голос, немного искаженный, будто слегка измененный, но родненький! И с досадой простонала про себя – все-таки по мою душеньку гримза пришла.

А что это там происходит? Слитки заговорили от подобной наглости? Кошмар какой! Их же теперь не заткнешь, даже если переплавишь!

– Да, мадумуазель, извольте забрать сий предмет из нашего дома, он нам мешает, – менторским тоном заговорил второй слиток, и я молилась небесам, чтобы на этом все закончилось. Будто не хватало мне оживших слитков, так они еще и заговорили! Хорошо, хоть самого воинственного Драгос унес, а то бы тут целая склока была.

Кстати, где Эрис, который обещал хранить мой покой? Или ведьма и здесь руку приложила, обезопасив себя, и временно устранив его? Или имеет место быть звуковая завеса? Ай, кто эту ведьму знает! От нее всего можно ожидать!

Вдруг я услышала звук стягиваемого одеяла, и мягкая тяжесть опустилась на мое тело – гостя явно хотела посмотреть на неожиданных собеседников и отшвырнула покрывало на меня.

– Чучело? – фыркнула ведьма. – Нормально я тебя поцарапала магическим клинком, раз у тебя запястья заговорили. Тогда говорите быстро: где Мари?

– Какое пренебрежение! – интеллигентный слиток был против подобного обращения.

– Тыкалку убери! Последний раз предупреждаю! – а хамоватое золотишко нарывался на хороший скандал.

– Ну раз чучело здесь, то ответ на свой вопрос я нашла, – напрочь игнорируя дорогостоящих оппонентов, ведьма разговаривала сама с собой. Звук лезвия, проскальзывающего между скрутками соломы, подсказал, что свой клинок гримза из пугала вынула: – Что-то я не припомню свойства оживления в нем. Не тот взяла? Это клинок оживления?

Нет, ведьма, это не клинок оживления! Эта Дженни – Мастер Оживления всего и вся академии на свою бедовую голову. Знакомься! Ты даже не представляешь, чье тело заполучила, и какая теперь куча проблем на твою голову свалится. Через неделю пожалеешь, что не справилась с жадностью и не забрала тело Мари! Кажется, моя-то психика крепче призрачной будет!

Хм, может, и не плохо пока отсидеться в чужом теле – этакий отпуск получится. А потом еще дань потребовать, когда она с покаянием проблемное тело «Дженни» возвращать будет? Эх, мечты, мечты!

Но вещичка-то у нее в руках, судя по словам, не простая! Опять – древность и реликт? Подобно той цепочке, что оставила тогда синяк на моей щеке? Так-так-так, помнится, тогда речь шла о седьмом складе... Надо туда обязательно наведаться, если выживу, там точно должно быть много интересного. Заодно, быть может, раскопаю, что же на самом деле этой ведьме надо и почему ее душа никак не упокоится с миром.

И кота, помнится, Алан видел именно там. Как говорится, все дороги ведут...

– Эй, ты, неуспокоенная! – хамоватый слиток распирало от злости. – Я к тебе обращаюсь! Эй!

– Не находите, что стоит принести извинения за доставленные неудобства? – поддержал собрата воспитанное золотишко. – Это было довольно грубо с Вашей стороны...

– Где Мари?! – нетерпеливо спросила ведьма, и даже голос повысила.

– Брат! Она нас игнорит! – хамоватый слиток такого отпора не ожидал.

– Солидарен с тобой, дорогой брат. Воистину игнорит, – впрочем, интеллигентный тоже был немало удивлен.

– Давай ей навалею! – прыткий слиток золота был готов мстить за обиду и за словом в карман не лез: – Совсем края не видит, берега потеряла!

– У меня есть идея получше... – загадочно сказал воспитанный собрат.

Глава 4

Чучело подозрительно затихло, не шевелило ни соломинкой, зато пара говорливых слитков отдувалось за всех:

– Позвольте узнать, на чем Вы сюда добрались? – золотой джентльмен продолжал словесные реверансы. – Случаем, не на метле ли?

– Позвольте спросить, знаете ли продолжительность жизни ненужных свидетелей? – передразнила ведьма, чем вывела хамоватое золотишко из себя.

– Ты кому угрожаешь, привидение залетное? Давно без тела не оставалась, прозрачность древняя?

Не того Эрис забрал! Лучше бы сейчас ведьму взял на попечительство, наставил на путь истинный. Хотя... Таковую не наставишь, такая скорее тебя с пути собьет...

А у меня в голове мелькнула молния узнавания – больно похожи были эти оппоненты. Как две грани одной конкретно охамевшей ведьмы. Уж не берут ли на себя часть личности ожившие? С одной стороны ведьма тоже вся такая воспитанная, фу ты ну ты, а с другой повадки похлеще ушедшей торговки. Может, слитки – как отражение натуры? Вон мой оживший золотой кусочек до сих пор в тряпочку молчит, только воинственно тыкалкой махает на врагов. Тот самый, что сейчас у дракона на перевоспитании.

Может, клин клином вышибает?

– Э-э-эй! А ну поставь обратно, кракозябра потусторонняя! Я те чё сказал?! – голосок хулиганистого слитка стал отдаляться.

– Ай! Я-яй! Мадемузаль, я бы не советовал, меня сейчас с...с...с-культурит! – сверхинтеллигентный слиток, судя по всем, отправился следом за собратом.

– Скульптурит? Это как? – такое сравнение заинтересовало даже многовековую ведьму

– С.. с... с-стошнит! – слово родилось в муках культуры.

– Золотом тошнить будет? Так это пожалуйста! Сейчас еще сильнее потрясу!

Похоже, ведьма заграбастала слитки с четкими намерениями от них избавиться. Боится, что о ее проникновении и злонамерениях растреплют ее несравненному дракону? Так правильно опасается, за братцами-балаболами дело не встанет! Но как мне потом с Заком кредит гномам отдавать?

Так-так-так, не разбазариваете чужое золотишко!

Но мои мысли, конечно, никто не читал, а в рулетике на кровати ведьма даже зачатков жизни не видела и пребывала в блаженном незнании, как меня распирало от возмущения. Пришлось благоразумно молчать и не мычать, дабы «проигравший сражение еще мог выиграть войну». А слитки верну! И, вообще, я в них верю!

И, оказалось, верила я в них совсем не зря!

– Вы что делаете? – высокомерно спрашивала ответ у слитков ведьма. – Думаете, сможете так мне навредить? И на что у вас фантазии хватит? Браслеты сделать? – и тут голос дрогнул ноткой сомнения: – Эй, что это за..? Да... Я... Вы... Отцепитесь от меня! Слезьте! Свалите с меня! Эй!

Ой, какое знакомое было это «эй»! Кажется, любимое обращение хамоватого слитка именно так и звучало.

– Брат, давай как я!

– Следую! Как ловко ты придумал!

– Проучим гримзу!

– Преподадим урок!

– Летуна? – мне наконец удалось освободить порядком вспотевшую голову. Я поняла, что времени для расспросов нет и, вдохнув всей грудью, позвала: – Летун!

А потом с сомнением посмотрела на себя в теле Мари, все еще завернутую в простынь и засомневалась, прилетит ли мое бревнышко на призыв души?

Разматываясь, перевела взгляд на собственное тело и застыла: слитки справлялись на славу. Руки в золотых перчатках сплелись пальцами, ведьма скрипела зубами от усилий их разжать, но пока безрезультатно. Она метнула на меня острый и колючий взгляд моих же зеленых глаз, облизала пересохшие губы, которые так обезвожила и натолкнула меня на мысль, что язык для заклинаний в ее полном распоряжении.

Интересно, а моему лицу подойдет золотой налечник? Такой, чтобы и рта не раскрыла?

Пусть сейчас ведьма растерялась, видно, что отвыкла от живого тела, но потом освоится. Ничуть не поверю, что у многовековой ведьмы не будет сотни-другой убойных трюков, чтобы нас обуздать. Так! Надо срочно ее отвлечь разговорами, пока Летун не прибудет, чтобы она не успела покопаться в памяти и что-нибудь выкинуть.

– Погодите! – слова ведьмы вторили моим мыслям. – Это я после перехода с воспоминаниями не соберусь, а так давно бы вас всех приложила парочкой заклятий.

– Ты собирайся, да только про тело не забывай! – похоже, наглость слитка слегка заразительна и придала мне смелости. – Видела свои губы? Когда пила последний раз?

Ведьма от таких слов даже дергаться перестала, сцепленные руки вниз опустила и ошарашено посмотрела на меня.

– А то, что есть надо, помнишь вообще? – я продолжала, подходя ближе, будто с наездом. А сама же молилась, чтобы мое летающее бревно развило чудо скорость. Не знаю, что там эти братцы-слитки придумали, но если есть план – буду следовать. Пока они меня не подвели!

– А это что? – подойдя ближе к своему телу, я смогла рассмотреть приличного размера шишку на лбу: – Все-таки пыталась пройти сквозь стену по привычке?!

А вот в последнем вопросе возмущение было вполне реальное. Нет! Ну что за обращение, а? Или что, нужно давать скидку на возраст и многолетнее скитание призраком? Да как бы не так!

– Летит! – вдруг достаточно громко шепнуло чучело, что все это время прикидывалось бездыханной кучкой соломы. Я прислушалась.

Свист стрелы, рассекающей воздух, слышали? Так вот, тут в сто раз круче! А понимание, что Летун со всего размаху зарядит в стекло с охранными рунами, заставило преодолеть слабость в коленях и бегом метнуться к окну, чтобы снять защиту. Расцепит же мое бревнышко на таких скоростях, как пить дать!

Тело Мари сохранило прекрасную мышечную память: стоило подумать о снятии защиты, как рука сама взметнулась к стеклянной глади, загорелись зеленым мелкая вязь рун. Все-таки хорошо быть опытной ведьмой!

Но первым делом в комнату влетел совсем не Летун, а какая-то облезлая метелка в паутине. Закрутилась на входе, дезориентированная, будто спутанная заметалась из стороны в сторону и через секунду тревожно замерла. Это что это? Прежний транспорт ведьмы Гортензии-Патриции Финис? Если правильно вспомнила, как нужно звать-величать бывшего куратора ведьм...

Похоже, метла-то завалилась пару столетий лежать без дела, постарела, бедняга. Пусть она и находилась под защитой магического сохранения, но многолетний простой еще ни на ком положительно не сказался.

– Так и думал! – многозначительно изрек интеллигентный свиток.

Призрачная ведьма в моем теле хищно улыбнулась при виде своего транспорта, а потом победно покосилась в сторону золотых перчаток. Тут можно даже не гадать – гадость задумала.

Вдруг воздух буквально распорол Летун, с лихого разворота зашедший на посадку и ловко влетевший в оконный проем. Злонамеренно или случайно, но бревно не смогло до конца остановить свое движение и слегка толкнуло ведьму в бок, отчего та упала, совершенно сбитая с толку.

Да-а-а, это тебе не прозрачное тело иметь! Надо было подумать перед захватом.

Я перевела взгляд на свое любимое бревнышко и закашлялась:

– Ты зачем его сюда притащил?

На самом конце бревна вверх тормашками висел великий потомок рода Гун. Костяшки пальцев Тео побелели от напряжения обезьяньей хватки, а ноги, кажется, больше уже не могли разжать стальной захват. А волосы, волосы-то! Абсолютно каждый белоснежный волосок бунтовал от ужасного обращения с хозяином и стоял по стойке смирно.

Бревно приподняло один край, будто мордашку и закачало им из стороны в сторону, словно оправдываясь – оно тут не при чем. Это он сам!

Но стеклянные глаза эмпата, что были расширены от ужаса, пока ничего не выражали, кроме шока. Хотя, вверх ногами точно распознать глубину эмоций было сложно – вот отлепится от древесинки волшебной, тогда и скажу.

Однако, Тео Гун оказался не так прост и быстро пришел в себя. Или же «Дженни» на него так повлияла... Стоило его взгляду сфокусироваться на девушке, как он совсем не величаво матернулся, что уж точно было не достойно ушей великих предков. О, как умеет, оказывается!

Эмпат камнем рухнул вниз с таким глухим стуком, что даже слитки-перчатки озабочено запричитали. Но там где обычному магу – смерть, там питающимися эмоциями эмпату – разгул для деятельности. Вот только окунуться с головой в пиршество эмоций ему не удалось, он нынче на диете после поедания грибочка Летуна. Как только посмотрела на блондина, так сразу поняла, что не полегчало парню: впавшие щеки, неестественная бледность, бросающаяся в глаза синева прежде кукольно-розовых губ. В общем, эмпат в завязке – то еще зрелище, скажу я вам!

Пока я разглядывала Тео Гуна, он голодными глазами пожирал «Дженни», медленно поднимаясь на ноги. Двигался не спеша, словно боялся преждевременно спугнуть жертву, а потом внезапно сграбастал в захват ничего не подозревающую ведьму. Почему захват? Да потому что объятием блокировку всего тела сбоку с прижатием рук к телу было трудно назвать.

– Юноша! – взбрыкнула ведьма, но быстро осеклась, сообразив, что она же сейчас современная молодая девушка, которая сказала бы что угодно, но не это возмущенно-презрительное: «юноша».

А между тем у блондичика глаза быстро подернулись сизым туманом, что, как я уже прекрасно знала, свидетельствовало о том, что он всю использует свой дар и вытягивает эмоции из ведьмы. Было так странно наблюдать, как страдает мое тело от непомерных appetites эмпата, а душа между тем радуется, что спасение пришло, откуда и не ждали. Вражина на глазах теряла силы, судорожно пыталась освободиться их плена сковывающих перчаток, но с каждым движением действовала все медленнее, а тело становилось все более вялым. Изрядно похудевший Тео спустил голод с цепи и не контролировал свои силы, отчего уже через несколько секунд у моего настоящего тела подогнулись колени.

Похоже, сейчас призрачная ведьма могла использовать свою силу только при помощи моей крови и не владела чистой силой слова. Вот только, интересно, почему? То ли действительно еще не вернула все знания, и ее умения не устаканились в новой голове, то ли нужно было освежить все с помощью гримуара? Интуиция подсказывала, что второе, и она просто растеряла свои знания за спустя столько десятилетий магического бездействия в статусе привидения.

Хотелось надавать великому потомку по бледным ушам, но тут эмпат резко отстранился от «Дженни» и выпучил глаза так, будто хлебнул эмоций через край и они у него полились

из носа и ушей. Потом парень надул щеки, словно готов был отдать обратно все только что жадно съеденное, после чего судорожно сглотнул и стал захватывать ртом воздух, будто рыбка на берегу.

Значит, голодал великий потомок рода Гун, голодал, а потом, припомнив, что только от меня по-прежнему мог чувствовать вкус эмоций, решил взять в осаду Летуна и ждать появления хозяйки? Помнится, последний раз мы как раз на бревнышке и встретились...

А тут что – не вкусно? Ну да, родименький, тебе-то невдомек, что Дженни нынче не та, – мрачно восторжествовала я про себя.

Но тут же поймала прямой и слегка сметенный взгляд Тео Гуна.

– Вы живы? – еще раз сглотнув неприятное послевкусие, спросил эмпат. И как-то так подозрительно-вопросительно голову на бок повернул. Думка в глазах появилась и пропала вновь, а парень согнулся пополам, будто от боли в животе, словно хотел поесть на и так переполненный желудок.

– Жива, – я наблюдала, как ведьма борется с тем, чтобы не закрыть глаза. О, как я ее сейчас понимала, знакомое чувство полного эмоционального опустошения. Я тоже как-то была под ударом голода эмпата и больше не желаю. Ведьма, конечно, и подумать не могла, чем обернется эта ее ночная вылазка в стан врага. Теперь, она медленно соскальзывала на пол по телу эмпата, засыпая на ходу.

– Дженни? – внезапно в лоб спросил Тео Гун, отчего я вздрогнула всем телом. Не ожидала! Никак не ждала узнавания с его стороны! Да, мать моя тигрица, Алан мне в глаза смотрел – не признал, Эрис смотрел – не разглядел, а это блондинчик только присосался на эмоции – и на тебе. В яблочко!

Пока я вставала с морального броска на лопатки, золотишко ликовало:

– Что и требовалось доказать! – важно заметил слиток-интеллигент в форме правой перчатки.

– А я че говорил! Поведется! – левая перчатка раздувалась от гордости.

– Точные расчеты и никакого допинга, – хвастался воспитанное золотище.

– Уработали! – подвел итог второй братец.

Оставалось только диву даваться такой хитросделанности обоих товарищей. Вот не зря говорят, что детище на творца похоже! А эти два кадра так, вообще, от двоих хозяек понабрались. Подумать страшно что будет, если эволюция продолжится...

Между тем метелка бросилась к своей хозяйке, на ходу запутавшись в прутиках и шмякнулась навзничь на пол. Грохот разнесся такой, что я вопросительно покосилась на дверь: «А где, вообще, Эрис?!» – но драконом и не пахло.

Зато распаленным любопытством эмпатом – вполне. Я же хранила гробовое молчание, изо всех сил игнорируя вопрос великого потомка рода Гун.

«Меньше знаешь – лучше аппетит, Тео» – транслировала я про себя. Но голодающей оставаться в стороне не желал и думал по-другому.

– Дженни! – сказал, словно пнул словом, поставил в упрек. Небрежно отодвинул ногой от себя мое настоящее тельце и я еле сдержалась, чтобы одернуть его. Но я же Мари, так нельзя! Хотя, стоит признать, эмпат внес огромный вклад в «разоружение» ведьмы. Но могу ли я ему доверять?

Сразу вспомнилось, как недавно вцепилась в Тео в поисках защиты, когда рука, вырвавшаяся из земли, крепко схватила меня за ногу, живо всплыли в голове слова парня: «Ты слишком проблемная дева!»

Нет, это, конечно, так и есть. Но насколько же моя проблемность возрастет в его глазах, когда он узнает правду, если он уже тогда не хотел иметь со мной дела и действовал только из гастрономических интересов? Боюсь, тут он мне не помощник, да и не могу я на такого сомнительного типа рассчитывать...

Тео Гун с этими его по-рыбьи стеклянными глазами смотрел на меня так, будто видел насквозь. Заставлял меня чувствовать себя, словно я стою перед ним в душевном воплощении, и он прекрасно видит истинную меня сквозь оболочку физического тела Мари.

– Это ты, – констатировал факт он, и в голосе не было ни доли сомнения. – Мои глаза могут ошибиться, но не мой вкус.

То, как эмпат причмокнул после последней фразы, заставило меня дернуть плечом в знак неприязни. Тео поймал это движение в капкан глаз и улыбнулся, как охотник, что успешно расставил ловушку на зверя, а тот не долго думая, сиганул ему прямо в руки.

– Что и требовалась доказать, Дженни. А теперь сделай милость, утешь мое любопытство и расскажи, как ты докатилась до такой жизни...

Та-а-а-к! Как там Мари бы к нему обратилась? Юноша? Нет-нет-нет, это лексикон призрачной ведьмы... Так-так-так... О!

– Адепт Гун, вы повредились умом? Неважно выглядите.

– Согласен насчет второго, – Тео провел кончиком языка по верхнему ряду зубов, будто проверяя, не застряло у него что-нибудь там. А, учитывая, чем он совсем недавно питался, то даже подумать страшно, что он может обнаружить между зубов... – Но в этом только твоя вина. Твоя и твоего бревна.

– Адепт Гун...

Великий потомок вышеупомянутого рода сложил руки за спиной в замок и широко расставил ноги. Высокомерно поднял подбородок, не проявляя к куратору Мари Финис и доли должного уважения. А потом начал:

– Эмпаатов практически невозможно обмануть на эмоции. В нашей природе чувствовать их запах даже на расстоянии, а во время подпитки все становится в разы насыщенной. Есть эмоции, от которых сносит крышу: влюбленность, возбуждение, вожделение. Есть просто вкусные: радость, удовольствие, веселье. А есть со специфическими нотками, на любителя: ревность, агрессия, азарт. Так же есть с горчинкой, менее вкусные, их любят редкие извращенцы... представители нашего вида, но все же и это есть: злость, разочарование, печаль.

– Адепт Гун, мы не на лекции... – сделав выражение лица как можно более каменным, я сделала последнюю попытку прервать его обличительную речь. Но как бы не так: только глазюками своего бледнющими сверкнул оскорблено, но продолжил.

– Так вот. Это знают все, даже в общеобразовательных учебниках пишут, – надавил голосом Тео Гун, настаивая на продолжении своей речи. – Но мало кто знает, что и у каждого человека вкус особый. У каждого вида – особенно хороши ведьмы. Но, в академии, как тебе известно, об этом уже прознали – произошла утечка, – он криво улыбнулся и хмыкнул своим мыслям. – Но и эта информация есть у посторонних. И только эмпааты знают, что вкус зависит не от тела, а от души.

Тео Гун подошел ближе, гипнотизируя взглядом. Я почувствовала движение сбоку и увидела, как тревожно село на кровати чучело. Да, мой друг, понимаю, мне тут тоже не по себе! Но эмпат продолжал наступать, заставляя пятиться, и говорил:

– Предки баловались экспериментами, пытались оставить податливые тела для подпитки. Ты, наверное, слышала о нашумевших делах живых мертвецов три столетия назад?

Наверное, в моих глазах читалась паника, раз он остановился и решил дальше не давить. Остановился и просто продолжал:

– Так знаешь?

– Читала. Это же про случай с сотней людей, что остались лишь с частичкой души, годной только для того, чтобы тело оставалось в живых?

– Именно. И не делай такие глаза – предки отдали большую цену за этот эксперимент своими жизнями. Постыдные страницы истории эмпаатов, написанные кровью. Но именно тогда

мы выяснили, что без целостной души тело хоть и может испытывать, например, удовольствие, но оно совсем не имеет вкуса.

Я молчала. Смотрела на него с мыслью, станет ли он моим врагом или другом. И подумала, что второе явно предпочтительней. Нейтралитет-то сохранить вряд ли получится, а личность он уж больно опасная во всех отношениях. Высосет вот так и не заметит...

– Когда отец рассказывал мне об опыте предков, я всегда думал: «Как это, безвкусно? Всегда какой-то оттенок вкуса есть, пусть и слабый, пусть и неприятный» А вот когда съел этот гадкий гриб с твоей деревяшки на себе испытал, что это такое. Пытался питаться любовью, страданиями, страстью, а испытывал лишь отвращение и пустую отрыжку в ответ. Все безвкусно, скупо, сухо, ватно. До отвращения. И только ты тогда была вкусной.

Тео обернулся на лежащую на полу «Дженни»:

– Я с голодухи набросился на нее, думал – помру от объедения, – Гун резко повернул голову ко мне, блондинистые волосы всколыхнулись, челка закрыла один глаз. – А это было как налить воду в банку из-под компота: вкус лишь на уровне фантазии мог уловить нотки сухофруктов. И тут так же. А я же еще по незнанию наакался по самую крышу...

И так с претензией в мою сторону раз – шажок.

– И вот, представь, у меня эта эмоциональная вата в горле, в ушах, в носу. И сквозь нее пробивается твоя терпкость двойственных эмоций. И от кого? От этого тела куратора, которую все уже считают мертвой!

И еще шажок-упрек. Но в этот раз я не стала отступать, встретила его высоко поднятой головой...

Глава 5

– Ай, щекотно! Что это? Фу! Что за комок? Бэ-э-э! Кто-нибудь, уберите его!

В такой ситуации трудно удержаться и не посмотреть, что же там происходит у слитков. Вроде ведьма временно нейтрализована... Что же еще им неймется?

Нехотя повернула голову и замерла от неприятного холодка. Знаете, именно такого, что предвещает все неприятности, от которого даже пятки немеют. От такого, что смотришь, и четко знаешь – это ловушки расставлена по твою душеньку, никак иначе.

И вот, лицезрея свалывшейся комок черной шерсти, в мозгу живо ожила картинка непутевого кота, что окончил свои веселые деньки печальным образом. Не может быть! Не верю! Наш котяра, хоть и порядком плешивый, но все равно не в пример этой повывавшей лучшие времена шкурки! Но откуда она взялась?

– Уберите, а? У нее из-за пазухи выскочила, дрянь редкостная! – не унимался слиток. – Щекотит как, а?! Ну спасите уже! – орал во все горло златоносный уникум.

Я окинула на прощание эмпата недружественным взглядом и перевела свое внимание на черный комок свалывшейся шерсти. Слитки, что все еще боялись сдать свои позиции скользящих перчаток, изо всех сил отталкивались, но ждали освобождения, а на них темной волосатой завесой разлеглось нечто пушистое и чернявое.

Перевела взгляд на встревоженное и взлохмаченное чучело, что присело на постели, на озабоченный внезапным нападением «пушистика» золотой дивизион и заподозрила неладное. Уж больно этот комок отрыжки походил на шкурку Зака, а учитывая, что ведьма совсем недавно без малейших зазрений совести вонзила острое клинка в потенциальную «меня», то и этот подарок тоже был припасен не так просто. Хотела ли она подставить Зака? Ведь неспроста же она хранила такой кусок плешневелой пушистости за пазухой.

– Это что? – рассуждения вырвались вслух. – Шерсть?

– Блох не видно, нити похожи на синтетические. Подделка налицо, – напыщенность от собственных умственных способностей заставила слиток чувствовать себя невероятно важным.

А вот я запоздало догадалась о беде, что чуть было не случилась. Ведь если бы ведьма всадила свое смертоносное лезвие по назначению, а после добавила бы шерстку черного кота, то, как минимум, возникла бы неразбериха.

Когда я подошла к мирно сопящей во сне ведьме и взяла в руки щекочущий комок шерсти, то тут же уверилась в подставе. Мирный сон Зака вдали от гномов – лишь миф, который навязала гримза. Братец до сих пор страдает, а эта нахалка решила избавиться от меня, да еще приплести в кровавые разборки мою родню. Ух, негодница! Мало тебя Тео опустошил, надо было...

Вот тут я пожалела собственное родное тельце и решила: что бы то ни было, надо отправить ведьму восвояси, от греха подальше, пока не придумала еще что-нибудь более извращенное. И эмпата отослать, а то больно прозорливый в своих гастрономических изысканиях. И Эриса найти, а то как претендовать на статус жениха Мари – так он первый, а как беда – поминай как звали. Где его носит? Сказал же до этого: я рядом, зови, если что. Так вот «Что» уже случилось. Где, спрашивается, защитник?

– Зак у гномов, – зачем-то сказала я чучелу, которого видела последним оплотом нормальности в этой странной ситуации. На что пугало важно кивнул, абсолютно разделяя мою точку зрения. И на том спасибо! Надо будет не забыть отметить его первое слово, сказанное недвано, дабы говорил побольше.

– Бабах! – дверь ударилась о стену и отлетела назад, закрывая стоящего в дверном проеме Эриса Драгоса. На лбу алой потрескавшейся кровью была начерчена руна забвения – это

всплыло в мозгу Мари и моем само собой, будто непоколебимая истина. Ого, оказывается, иметь знания опытной ведьмы очень даже выгодно! И как же не повезло призраку со мной – в моих недрах серого вещества ни одного знания руны, ни единого заклятия – чистый лист. Пусть кушает, не обляпается.

Бабах! Ударилась дверь об стену второй раз, но сейчас дракон был более предусмотрительным – выставил руку вперед и не дал закрыться деревяшке.

Воинственный слиток, судя по всему, заключил с драконом союз и приступил к наступлению – бросился со всех своих бесценных ног к эмпату в пылу атаки, с золотой шпажкой наголо. И, как и следовало ожидать, потерпел сокрушительное поражение: в бесцельных попытках затыкать до смерти ногу, был отброшен пинком в дальний угол, из которого еще долго не мог выбраться.

Зато Эрис обещал быть в расправе гораздо успешнее. Так сказать, раздраконовый призрачной ведьмой и, наконец, скинувший сковывающее заклинание, он готов был рвать и метать, но мишень, как таковая, оставалась одна – Тео Гун. Драгос не знал подробностей предыстории, явно оценивая все с истинно мужской точки зрения, впопыхах: одна дева повержена (это Дженни), а вторая вот-вот попадет под удар (а это уже про меня). И, как истинный герой, решил вывести недруга из строя.

– Все не так, как ты думаешь, Эрис! – я вклинилась на пути его движения к убийству.

Драгос остановился, посмотрел на меня с видом «Что, серьезно?!» и спросил:

– Слишком заезженная фраза, не находишь, душа моя? – Эрис хищно втянул воздух через нос, грудная клетка раздалась вширь в размерах. – Я разберусь с незваными гостями, а потом мы поговорим...

– Эрис... – я одернула его за руку, когда он приблизился к стоявшему словно истукан Тео Гуну.

– Подожди, родная, мне нужна всего минутка и тут будет покой.

– Эрис!

– Минутка!

– Эрис!

– Мари!

– Я не Мари, Эрис, мать моя тигрица!

Пауза. Долгая, тягучая, словно растопленная смола, липкая. Скажи слово – и увянешь так, что не выберешься. Оттого и остается, что просто смотреть и ждать. Чего? Реакции или вопроса, чего же еще!

Зато сразу стало легче на душе! Эта давящая каменным прессом тяжесть испарилась в мгновение ока, стало свободней дышать. Тугой корсет вины разошелся по швам, нитки лжи посыпались на пол. Да и не было смысла дальше разыгрывать этот фарс, если главная вражина не поверила в представление и четко нацелилась меня убить.

– Мари, что за околесицу ты несешь? – Эрис упорно не хотел верить собственным ушам. Хмурился, жмурился, делала все, что угодно, лишь бы не слышать правду. – Ты просто не помнишь, в этом нет ничего страшного. Мы пройдем этот путь вместе, ты все вспомнишь...

– Нечего вспоминать! – чересчур громко крикнула я, и, заметив тень непонимания со стороны Драгоса, сбавила тон, слегка стушевавшись: – Прости, я понимаю, как тебе больно, но я не твоя Мари. Я... Дженни...

Щека Эриса дернулась, а эмпат показательно хмыкнул, заведя глаза к потолку. Что-то в выражении лица дракона дало мне уверенность, что я все правильно сделала: Эрис на необъяснимом уровне, похоже, тоже чувствовал неладное, но упорно игнорировал тревожные звонки. Пусть ему будет больно сейчас, но эта необходимая и неизбежная боль. Нельзя оттягивать, если ведьма все и так знает – обмануть ее не удалось.

Эрис заново осмотрел комнату, внимательно пробежался взглядом по всем деталям разыгравшейся недавно сцены и ее последствиям, задержал взгляд на мирно сопящей «Дженни». Потер лоб, будто у него резко началась ужасная мигрень, а потом внимательно посмотрел на ладонь. Отпавшие от нарисованной руны частички засохшей крови остались на ладони, и дракон уже совсем другим взглядом посмотрел на спящую на полу девушку. Золотые перчатки на руках ведьмы в кои-то веки молчали – умные, не хотят попасть под горячую руку. Чучело на кровати озабоченно завозилось, эмпат вытянулся в тугую струну. Драгос подошел к кровати и поднял что-то с пола. Сверкнуло фиолетовым отливом заговоренное острие магического кинжала. Узнавание четко отразилось на лице куратора, после чего он дернулся всем телом, будто его поразила молния.

Чучело, что находилось в максимальной близости от трансформатора, стало отползать подальше, но больше никто в комнате не смел двинуть и пальцем. Драгос стоял ко мне спиной, но для того, чтобы почувствовать сгущающуюся вокруг тьму болезненного понимания не нужно было смотреть в лицо мужчине. Каждая мышца тела была натянута, словно тетива лука, напряжена до предела. Похоже, что в этот момент Эрис и без подсказок все разложил по полочкам, без лишних объяснений осознал, что произошло. Все-таки подчерк призрачной ведьмы за время совместной работы он мог узнать издали, да вот только раньше не хотел видеть все намеки. Но теперь правда обрушилась на него, словно чан кипятка, заставляя испытывать боль до самых костей.

– Вон! – отчаяние кричало в каждом звуке этого слова. – Пошли все вон!

Пространство окатило предупреждающей энергетической волной. Животный страх скрутил кишки, затошнило, инстинкты кричали: «Спасайся!».

– Бежи-и-им! Дракармагеддец наступает! – первым скинул оцепенение болтливый слиток. – Но нам надо что-то с ведьмой делать!

– Боюсь, он прав, как никогда. Трансформатор близок к обороту и сейчас... – воспитанный слиток так растянул речь, что собрат не выдержал.

– Да и так ясно! Что с ведьмой-то делать?! Не бросать же! – крик души дошел до меня не сразу. Я нехотя перевела взгляд с гранитных по тяжести переносимой боли плечей Эриса на золотые голосащие перчатки, после на ничего не подозревающую спящую ведьму и силой заставила себя действовать. Драгосу я сейчас ничем не помогу, он никого не желает видеть, эту дробящую сердце боль он должен пережить сам, без лишних глаз. Но угроза оборота, что давила на глубинный инстинкт самосохранения, была нешуточная, грозящая разнести дом в клочья, если мы не уберемся отсюда в ближайшее время.

И слитки правы – вопрос с ведьмой надо решать. Прошлой пыльной метелке нашего врага доверить я не могла, тем более – в моем родном теле, оставался только верный помощник – летающее бревно.

– Летун! – позвала я, с удивлением слыша усталый еле слышный голос, что исходил из моего пересохшего горла. Похоже, резерв сил тела Мари был практически на нуле, я стояла на ногах на чистой силе духа.

Бревно на ходу боднуло эмпата, отчего тот тут же порастерял весь свой заносчивый вид, и с готовностью зависло рядом со мной.

– Давай посадим на тебя ведьму, – я подошла к собственному телу и обратилась к смекалистому золотишку. – Сможете удержать ее на бревне?

– Да легкотня! Только давайте быстрее, у меня аж проба плавится!

– У тебя проба есть? – я попробовала придать «Дженни» сидячее положение и чуть не свалилась на пол.

– Отойди! – довольно грубо отпихнул меня Тео Гун, но, к удивлению, быстро и безмолвно закинул ведьму на бревно, а золотые перчатки с готовностью сомкнулись на локтевых сгибах, заставляя мое настоящее тело крепко обхватить ствол.

– Спасибо, – должна же я поблагодарить, ведь так?

Чучело схватило меня за руку и потащило в сторону окна, тыкнуло соломенной рукой в прозрачную гладь, и тревожно обернулось на дракона.

– Во-о-он! – волна, предвещающая оборот прокатилась валиком по пространству, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Казалось, Эрис кожей остро чувствовал мой взгляд, взгляд тела Мари, его возлюбленной...

Боясь опоздать, я поторопилась приложить ладонь к стеклу и буквально вылетела на улицу – Тео Гун не желал ждать ни секунды.

– Девчонка, быстрее, если не желаешь быть съеденной! – эмпат довольно грубо обхватил меня за талию, больно впившись в тело своими длинными пальцами, и вынес в глубину двора, будто переставил большую куклу. Что я настоящая, что Мари Финис не славились высоким ростом и тяжелым весом, но все-таки можно было быть более аккуратным.

«Хорошо не пнул» – всплыл в мозгу контраргумент и был с успехом принят. И правда!

Бревно с ведьмой замерло рядом, по другую сторону от меня остановилось чучело. А потом на нас полетело градом стекло – защитные руны стыдливо сдались перед мощным ударом драконьего хвоста. Скрежет камней, лязг металла и волна воздуха от взмаха крыльев устремившегося в ночное небо черного дракона.

– Пробой каждый слиток дорожит! Это же знак качества! А у нашей партии проба особая – гнома Лориуса! – кое-кому златоносному ничего не мешало триндеть о себе любимом.

– Брат, твои размышления звучат неуместно, – воспитанный слиток сделал попытку одернуть собрата.

– Очень даже уместно, между прочим! Я тут обстановочку разряжаю... – с долей обиды фыркнул слиток и замолчал.

Теперь в звенящей тишине был слышен лишь удаляющийся звук рассекающих воздух крыльев.

– Так что там о пробе? – глухо спросила я. Пусть лучше болтает, так и правда легче...

Вдруг картинка перед глазами стала съезжать вбок, а потом просто опрокинулась.

– Эй! Ты чего?! – голос Тео доносился как из трубы, перед моим лицом застыла его непроницаемая эмпатская моська, но тон выдавал тревогу.

А я запоздало поняла, что дух-то мой еще ого-го, стоял бы тут еще и смотрел в след дракону, сочувствовал всем сердцем, а тельце Мари было настолько обессилено, что просто свалилось с ног.

– Дженни, не отключайся! Что я тут с вами со всеми делать буду?! – а вот теперь лицо-то дрогнуло!

Я мысленно пожелала великому потомку рода Гун не унывать. Компания, конечно, у нас подобралась отборная, разномастная, красочная, да еще вдали от академии... Но раз голодающий сегодня подкрепился, то пусть, как единственный твердо стоящий на ногах, все и разруливает.

Стоило мне открыть один глаз, как я услышала:

– После того, что между нами произошло, ты просто обязана меня кормить.

Понятное дело – глаз я тут же закрыла. Вот еще!

– Настоящий мужчина не может себе позволить быть на иждивении, – умничал золотой слиток, можно даже не уточнять какой, верно? Его менторский тон узнаваем с первого слова.

Но откуда это золото понабралось подобных манер? Слушаешь, и диву даешься. Все-таки влияние призрачной ведьмы на эту пару слитков налицо...

– А как же все эти рассказы: путь к сердцу мужчины лежит через желудок? – пристал второй золотой болтун.

– Зачем нашей Дженни его сердце? – возмутилось воспитанное золотце, и я мысленно пожалала его то и дело отрастающую лапу.

– Так и я не о котлетах речь веду, – эмпату легко давались возражения. Судя по всему, разговор меж этой троицей начался давно, и собеседники чувствовали себя вполне комфортно даже в зоне спора.

Я аккуратно приоткрыла один глаз, подглядывая из-под ресниц. Ага, деревья, кусты, Тео в наглуую сидит на соломенной ноге чучела, а на другой восседают два слитка, покачивая ножками. Пугало не сводит с меня своих глаз – темных провалов, но вся его поза выражает расслабленность, значит – не возражает против подобной тесной компании.

Сама не заметила, как глаз закрылся, и я заснула – тело Мари еще не было готово к новым подвигам.

Точно не скажу сколько времени спала, но когда я открыла глаза, рассветные лучи пробивались сквозь пушистые верхушки деревьев. Тело не хотело слушаться и при малейшей попытке движения мышцы кололо тысячами иголок. Ох, как же я все отлежала!

Приподняла голову и осмотрелась – ничего удивительного. Я спала головой на пне в скрюченной эмбрионом позе. Же-е-естко!

Но это все мелочи! Важнее то, что куда бы я не посмотрела, ведьмы-захватчицы моего тела найти не могла. Как и чучела, как и слитков. Как и Летуна.

– Потеряла кого-то? – с обманчивой вкрадчивостью спросил Тео Гун, терзающий травинку зубами. Он сидел в паре метров, привалившись спиной к внушительному по объему дереву, и с любопытством поглядывал на меня. В уголках его рта, кажется, застыла скрытая насмешка, будто смешная шутка была известна только ему.

– Уж лучше бы я тебя потеряла, – охрипшим ото сна голосом сказала я. – Где она? Где ведьма? Где чучело со слитками, где бревно?

– Демон унес, – эмпат оттолкнулся спиной от дерева и замер с выжидающей улыбкой.

– Какой демон? – я оглянулась по сторонам в поисках следов борьбы, никак не могла сообразить спросонья, что же имеет в виду отпрыск рода Гун.

– Тот самый, чей второй язык – приказы, – с неприязнью в голосе ответил Тео и брезгливо откинул сжеванную травинку. Голодает опять? Даже не жалко!

Приказы... Приказы... Погодите-ка, может, он имеет ввиду Алана с его вечными командами? Укротители рода демонических кровей, так что...

– Здесь был Алан? – я хотела было уже броситься вдогонку, но Тео броском змеи схватил меня за руку, притягивая назад.

– Был. И ушел. Со всей компанией, – Гун с силой потянул мою руку вниз, чтобы я присела недалеко от него. Хочет что-то сказать? Ну ладно, послушаю...

– А как же я? Ты меня спрятал? Не показал? Обманул? – я еще раз оглянулась по сторонам, словно деревья – безмолвные свидетели событий, могли поделиться со мной историей.

– Обманул? Спрятал? Я? – Великий потомок был оскорблен моим предположением. Гневно сверкнул своими бледно-голубыми глазами, еле заметно скривил губы. – Он сам обманываться рад, так зачем мне мешать!

– Ты точно что-то сделал, да? – не верила я невинным рыбьим глазкам эмпата. Я для него – единственный источник эмоций, а, как известно, еда – первая потребность любого организма. Блондин своей выгоды так просто не упустит!

Тео Гун посмотрел в ответ слишком честно. Слишком. Совсем не в духе эмпатов!

– Ни слова не сказал, – блондин настолько тщательно контролировал эмоции, что даже не моргал. Это-то его и выдавало.

– Но сделал, да? Чтобы избавиться ото всех? – я могла быть дотошной. А то слишком хорошо устроился – остался со скатертью-самобранкой наедине. Вот пусть только попробует затуманить свой взор и попытаться поесть мои эмоции – не посмотрю, насколько там велик и ужасен его род!

– Ты плохо обо мне думаешь! Кое-кто остался! – эмпат засунул руку под камзол вытесненным синим орнаментом, и вытащил оттуда золотой слиток. Тот рьяно махал тонкой золотой шпажкой в воздухе – настоящая угроза всему живому. Воинственный слиток собственной персоной. – Про него забыли! На, забери, а то он меня достал щекотать своей тыкалкой.

Я аккуратно подставила ладони и поднесла золото к лицу. Слиток сразу вытянулся в росте, гордо разнесся вширь и торжественно мне поклонился. «Стоял как мог за Вашу честь!» – так и говорил его вид, чем немного поднял мне настроение. Забавный молчун!

– Он у тебя все время был?

– Да, еще когда из дома дракона выбегали, сунул его к себе по пути.

– Ты? Просто так сунул слиток?

– Конечно не просто так. За еду, – и эмпат так хищно улыбнулся, напоминая мне голодного бавкана, что раскрыл пасть с двумя рядами зубов. У Тео, конечно, такого богатства кальция не имелось, но аппетиты были по истине монстрические.

– Знаешь, вот если бы ты по-человечески все здесь с Аланом обсудил – я бы подумала, – я погладила слитка-защитника по импровизированной голове.

– Ээээ, не надо валить свои проблемы на меня! Сама объясняйся с этим демоном, у меня столько здоровья не хватит.

– Мог бы намекнуть!

– Ага, а он так и поверил. Да Алан упрямей баргута во время боя: примчался, схватил все, как считает «свое» и пока, – капли желчи окрасили слова эмпата признаком неприятных прошлых стычек между парнями. Похоже, история давняя, и симпатии ребята друг к другу не питали.

– А чучело так и пошел? И слитки промолчали?

– Алан не был настроен их слушать.

– Ты же что-то сделал, да? – я была в этом уверена практически на сто процентов. Тонким подтекстом в словах эмпата всегда шла выгода. И тут он что-то провернул, что-то эмпатское – ведь Тео чувствует эмоции других, как никто другой. Значит, может ими и управлять.

– Так как насчет платы за оставленный слиток? – проигнорировал мой вопрос Тео.

– Как насчет еще одного грибочка Летуна? – в тон парню ответила я.

Глава 6

Голубое небо было испещрено мягким светом золотых рассветных лучей. Совсем недалеко проснулась пташка и весело засвистела незатейливую песенку на причудливом языке. Влажность уходила, уступая место небывалой для ранней осени духоте. Или же сегодня дышалось особенно тяжело?

– Скоро пары начнутся... – непрошенная грусть вырвалась из меня вместе со вздохом.

– У меня для тебя две новости: первая – сегодня выходной день, и вторая – тебе все равно на них не надо. По крайней мере, пока, а если потом и будешь их посещать, то только в статусе преподавателя.

– Угу, преподавателя! Уж я-то преподам урок знатного попаданства! – я живо представила полную аудиторию жаждущих знаний адептов и свой урок под названием: «Тясяча и одна ошибка Дженни Уверли или Попасть так пропасть!»

Эмпат подавился заготовленной фразой и заел все смешком:

– А ведь еще тебе предстоит триумфальное воскрешение, – прозвучало так... ехидненько...

– Ты там случайно руки от удовольствия за спиной не потираешь? – я вытянула шею, делая вид, что рассматриваю, что же Тео прячет. – Ждешь зрелища?

– Предвкушаю, – довольно сузил глаза этот вреднейший потомок рода Гун. – Растерянность – это эмоция-деликатес. Если редко употреблять, то сущий рай.

– Так вот оно что! Опять за свое? – я пристально посмотрела в лживо-честные голубые глаза эмпата. – Что-то я дымки не вижу... Можешь питаться и так?

Я сощурилась, еще более внимательно разглядывая блондина – тому аж не по себе стало. Наверное, предвзятая «я» после всех злоключений представляю то еще зрелище, но пускай терпит. Я же его терплю. И, вообще, дареной еде претензии не высказывают. Вот.

А между тем на его лице вся забава растаяла, как снег под весенними лучами.

– Ни черта ты не разбираешься в эмпатах! – отвернув голову, бросил он, будто был неслыханно задет. Но чем? Тем, что я спросила, не изволит ли он без спроса завтракать-с мной?

– Увольте! Я и не хочу познавать эту тему, – высказала сгоряча, чем заслужила косой взгляд Тео.

– Теперь я просто обязан тебя посвятить...

Ах, этот «метод от противного». Работает по назначению прекрасно, жаль только от противных эмпатов не спасает, так сказать дашь на дашь не выбивает. А так бы хотелось!

Но грустить на эту тему мне не дал Тео, что спешил назло просветить меня в тонкости эмпатского склада жизни:

– Вот представь жаренное на костре мясо...

Я живенько представила капающий на угли жир с золотистой корочки. Мняням

– Оно же вкусно пахнет, ты уже заранее знаешь или можешь предположить, что это будет обалденно вкусно, да?

– Ага, – чуть не вытирая с подбородка голодную слюну, сказала я.

– У нас это похоже работает. Мы будто чувствуем запах эмоций и уже можем понять, по вкусу нам или нет. Не обязательно пробовать испортившийся продукт, чтобы понять, что тот вонял на всю округу не зря. Понятно?

Понятно так понятно, только зачем он про мясо сказал, а?

Я уперла руки в боки и решила, что хватит устраивать ему одностороннее пиршество, пора погонять великого эмпатского потомка. Гыгык, главное не оговориться на подонка, оставим это обращение на случай совсем плохого поведения некоторых...

– Тео Гун, ты сам напросился! Как только доберемся до академии, организуешь завтрак на вынос!

– Но... – Его Величество был выше этого, ясно дело.

– Грибочки Летуна-а-а... – напела я, откровенно угрожая.

Проняло! Передернуло! Впечатлило!

Тео промолчал, что было равносильно соглашению. А потом вдруг опустил голову к плечу, будто задумался над одной крайне интересной темой... Впрочем, в себе он размышления долго не держал и выдал:

– А тебе же жить негде...

– И не надейся, – жестко отрезала я. Эмпатским подручным холодильником я быть не собиралась. Уж лучше как есть подамся с повинной к ректору, пусть либо воскрешает перед лицом общественности, либо четвертует, как зомби.

– А что, разве есть куда податься? До сих пор надеешься на Алана?!

Вот точно что-то ему наговорил или сделал эта эмпатская морда, чтобы у укротителя сомнений не возникло!

– Ты забыл про слитки? Чтобы вставить слово в их диалог надо постараться. А они за бравым делом не постоят. Наверное, уже все выложили как на духу!

– Да? Тогда где твой демон-спаситель? – Тео с интересом посмотрел по сторонам и демонстративно пожал плечами: – Не вижу. Очнись, только я тут тебя вижу и спасаю. Будь благодарна.

Последняя фраза прозвучала так, будто я мгновенно должна была преисполниться благодарности и рассыпаться в извинениях. Не на ту напал, великий потомок наглого рода Гун!

– Чучело тоже заговорило. Уж кто-нибудь да раскроет ему глаза на истинную сущность в моем теле!

– Ты так считаешь? Я бы на твоём месте не надеялся на чучело и слитки... – Тео, ах Тео, не смог из-за задетой гордости промолчать, чем только сделал себе хуже...

– Ты что-то сделал со слитками и чучелом? – напряжение в моем голосе звякнуло металлом.

Этот невыносимый Тео Гун непроизвольно отвел глаза.

– Ты хотела есть? Идем, а то не успеем к завтраку, – эмпат встал и захромал в сторону академии, чем сразу смог перенаправить курс моих мыслей.

– Что с ногой? – я догнала хромоножку в один шаг.

– Уже почти срослась, не стоит внимания, – сказал, а у самого уголки губ дрогнули от проявленного интереса. Или доволен, что ловко соскочил с темы? Так я умею дважды два складывать!

– Алан? – нетерпеливо ожидая ответа, я подстроилась под неразмерный шаг Тео. – Это же он, да? Ну же, не разочаровывай меня, подтверди!

Эмпат плотно сжал губы, превратив их в тонкую нить. Ага, значит, в точку! И сидел, разговорами время тянул, надеясь, что все заживет, и я не замечу? Интересно, что же здесь произошло?

Эх, у тела Мари чрезвычайно крепкий сон! Как же не хватает собственной чуткости. Уверена, уж я бы не пропустила появление Кертиса.

Тео упорно хромал вперед, а я с сомнением осмотрелась вокруг, пытаюсь понять, насколько далеко мы от академии и присвистнула.

– Учítывая, что ползешь ты не быстрее улитки, позавтракать мы сможем только через неделю.

– Варианты? – Тео недовольно оглянулся на замешкавшуюся меня и прибавил скорость. Его походка стала выглядеть еще забавней. Въевшийся в манеру поведения эмпата пафос трескался с каждым неуклюжим шагом.

– У меня есть. А вот у тебя...

«Улитка» застыла, чуя подставу. Ну а что, ведьма, она и в другом теле – ведьма. Заметьте, это только неделя обучения прошла! Что же дальше то будет?

А еще надо вытрясти информацию из призрачной ведьмы о моей звериной сути. Вот верну тело, кровь трансформаторов в себе оживлю и буду первой ведьмой с возможностью оборота. О как!

Размечталась да? Ну а что? Мечтать – дело полезное. Можно сказать, что мечта – это двигатель души. Так что только вперед! Мне еще Зака спасать!

– Летун! – закрыла глаза и позвала свой верный транспорт.

Эмпат очень недружелюбно покосился в мою сторону. Похоже, у этих двоих сложились не очень хорошие отношения.

– Ты же с ним ничего не смог сделать? – на миг я обеспокоилась, а потом отмахнулась от этой мысли, как от неприятного запаха. Вряд ли, скорее – бревнышко бы с ним что-то сделало. Например, отнесло бы его в далекие края, на эмпатские берега... Вот тогда бы эта бледная морда точно бы узнал, что такое голод!

Тео Гун зашагал быстрее и уже почти перестал хромать. Все-таки повышенная регенерация – вещь! Но для эмпатов я бы ее исключила, будь моя воля.

– Не полетишь? – крикнула в спину блондину, останавливаясь и задирая голову вверх. На горизонте пока чисто...

А потом вдруг появилась стремительно приближающаяся точка, что с каждой секундой становилась все жирнее и четче. Спустя несколько мгновений я могла точно сказать – бревно летит сюда не одно. Через пять секунд определила с кем...

Алан.

– Похоже, ты не летишь, Тео... – протянула я, мысленно потирая ладошки.

Мне стоило отдать должное восхитительному таланту Летуну к маневрированию между деревьями! Такой эстетики полета я не видела давно. Все-таки мой летающий транспорт – лучший во всем мире!

Когда я было подумала, что Тео падет смертью храбрых, протараненный моим дружелюбным бревнышком и не менее эмпатололюбивым укротителем, когда вдруг Летун обогнул его и проскользнул мимо со свистом и ветром.

Я была настолько заворожена полетом, что поздно рассчитала – они не остановятся. Неужели, решили таранить Мари? То есть меня? Ну нет же, правда?

Мама! Та самая, которая тигрица, спаси и сохрани, а? – взвыла я мысленно и полетела вверх. И лишь когда почувствовала под собой жесткость магического полена, а на животе – крепость руки Алана, поняла, что убивать никого и не собирались. Фух!

Я оказалась сидящей спиной к Кертису и затылком чувствовала его часто дыхание. Оно щекоткой бегало по коже, распаяя нервные окончания, и я еле сдерживала желание втянуть шею.

А еще было боязно. Не оттого, что я лечу на запредельных скоростях, нет, я была уверена в Летуне. А оттого, что Алан опять меня не узнал. Неприятно признавать, но боль буквально иссушала мое сердце, заставляя ее покрываться трещинами разочарований, когда раз за разом Кертис не видел истинную меня. Но как же обстоит дело сейчас, если он, как самый настоящий герой, прилетел забрать меня из лап коварного злодея. Это я Тео, конечно, польстила, ну пусть немного походит со званием почетного злыдня – так у меня антураж ситуации красивее выходит.

Вот сейчас Алан еще теснее прижмет меня к себе и... и...

И Кертис правда прижал меня к себе, крепко, до сжатия диафрагмы. Воздух выскочил из легких, как из воздушного шарика, а я замерла в ожидании. Некомфортно – ваша правда, даже слегка больновато, но ради романтического момента можно и потерпеть!

Но Кертис упрямо молчал. Проходили минуты, я уже устала дышать крохотными порциями из-за сжатых в объемах легких, а Алан не проронил и слова.

Живот горел в том месте, где его касалась рука. Спина жгла от того, насколько плотно прижал меня к себе Кертис. Но внутри этот предательский дятел-мозгоклюйка долбил: «Это он Мари так прижимает? Или меня?».

Сомнения еще никого до хороших результатов не доводили, вот и я скатилась в ту же степь. Чувство радостной эйфории, что, наконец, Алан вернулся за мной, таяла, как туман поутру. Все-таки каждая девушка – натура романтическая, пусть это бывает скрыто глубоко, под слоями различных масок, но все мы ждем чуда. Подвига любимого. Широко жеста любви, сбивающего с ног. Умопомрачительного всплеска эмоций. И почти все сталкиваемся с мужской стеной самоконтроля.

Вот у меня папа – типичный пример такого поведения, а мама – полная его противоположность, врыв эмоций. Может, оттого и живут столько лет вместе, проходя через горе и радости, что разные?

Я покосилась на Кертиса, но так и не смогла увидеть его лица. А показывать уж совсем откровенный интерес гордость не позволяла. Так и сидела, полностью собранная, настороженная и оголенная, как нерв. Дергалась от каждого движения Алана на поворотах и затаивала дыхание, когда он прислонялся еще ближе, не оставляя между нашими телами ни малейшего расстояния.

Дав круг почета над академией, попутно сбавляя набранную скорость, Летун плавно пошел на посадку подальше от главных аллей учебного заведения и любопытных глаз. Пролетел в полуметре от зеленого махрового газона и полностью остановился.

Вдруг вторая рука Алана обвилась вокруг меня, прижимая к себе так, словно он хотел слиться со мной в одно целое. Подбородок Кертиса надавил на макушку, послышался шумный выдох и вымученное, из самой глубины души:

– Когда я закрываю глаза, то чувствую, что это ты.

Мои глаза непроизвольно заслезились. Ну вот ничего не могла с этим поделать – оставалось только часто-часто моргать, чтобы не дать ускользнуть капле и спуститься вниз по коже соленой дорожкой.

– Это же ты, Дженни?

Теперь я не смогла выдавить ни слова – комок в горле не давал даже толком дышать, не то, что говорить. Поэтому я просто кивнула, зная, что он почувствует движение даже с закрытыми глазами.

– Дженни... – я почувствовала поворот его голову и вот он уже прижался к макушке виском. Голос стал доноситься прямо в правое ухо, так тихо, что если бы он не был в нескольких сантиметрах от барабанной перепонки – и не услышала бы: – Прости, ждала так долго...

Сказал буквально одними губами, но я услышала. И тугой узел в солнечном сплетении развязался. Но я по-прежнему не могла издать ни звука.

– Бавкан раздери, это словно ты и не ты! Ну скажи же что-нибудь! – Кертис отчаянно прошептал мне в макушку.

– Это я, – ответила, но голосом Мари. Чужим голосом, не своим, с глубокими и чуть хриловатыми нотками, которых отродясь не было в моем собственном. И я почувствовала, как еле заметно дернулся Кертис. Как его покоробил чужой голос, ведь даже его руки на секунду расслабили объятия, будто хотели отпустить чужачку.

Я замолчала, чувствуя себя так, будто одну половину тела опалили кипятком, а другую – стуженой водой. Кертис теперь знал правду, но мог ли он ее принять?

– Тебе не по себе со мной такой? – спросила тихо, стараясь как можно меньше показывать наше отличие голосов с Мари, сводя на шепот.

– Это жутко. И странно. Я смотрю на тебя в чужом теле и это... – Кертис замолчал, а потом вдруг практически задушил меня в сильных объятиях: – Но я привыкну. Да и мы постараемся побыстрее вернуть тебе твоё тело.

Правда была горькой. Конечно, мне бы хотелось, чтобы он смотрел на меня как раньше, видел сквозь тело истинную душу, будто физическая оболочка была прозрачной и всё было по-прежнему. Но реальность была куда как жестче: внешне я – другой человек, женщина, старше его, а визуально ему нравится другая. Вдруг, только из-за внешности? Или «картинка» имеет для него огромное значение?

Я представила, если бы вдруг он оказался, например, в теле своего друга-врачевателя и мне стало не по себе. Ужасное ощущение подступающего удушья от трудности принятия другого тела, немного помогли понять Алана и его внутренние терзания. Ведь мы даже не начали отношения, ещё совсем на эфемерном уровне и вынуждены проходить через такие испытания. Каждый бы справился? Сомневаюсь. Рассуждения хороши лишь в теории, а на практике это не только до боли странно, но и до мурашек на коже непривычно.

– Ты можешь закрывать глаза, когда рядом, – попыталась пошутить я. Очень слабо.

Кертис промолчал, но я поняла его без слов – голос-то никуда не денется. Уже он один – это одна из стен между нами.

– А когда ты видел ведьму в моем теле после инцидента... что ты испытывал?

Я спиной почувствовала, как грудь укротителя приподнялась и тяжело опустилась.

– Я не понял ничего. Прости. Дурак. Но я так был занят спасением, что не заметил ничего. А если что и показалось немного странным, то я списал на последствия тяжелого дня. Мало ли что...

Мама мне всегда говорила, что когда мужчина идет спасать мир, то кроме цели больше не видит ничего. И только теперь я поняла истинное значение ее слов.

«Многозадачность – для женщин, и однозадачность – для мужчин» – говорила она. – «Женщине природой предусмотрено и за костром присмотреть, и за детьми, и пищу приготовить, и пещеру прибрать, а мужчине природой задумано как следует посвятить себя плотному изучению одного дела, одной цели, одной победы. И тогда он сделает все в наилучшем виде, с минимальным количеством затрат, как никогда бы не сделала ни одна женщина. На то мы и противоположны изначально, чтобы взаимно дополнять друг друга»

Я ее эти самоутрачивания всегда пропускала мимо ушей, а сейчас они сами по себе всплыли в голове и звучали, снова и снова, снова и снова. Так ли это на самом деле? Стоит ли таить обиду за невнимательность или лучше посмотреть в суть?

Но умные мысли – умными мыслями, а осадочек-то остался!

Я сделала усилие, завозившись в объятиях и повернула голову, чтобы заглянуть Алану в лицо. Кертис открыл глаза, пробежался въедливым взглядом по лицу Мари и остановился на глазах. Мы смотрели в глубину зрачков друг друга, приближая лица по миллиметру, пока вдруг Алан плотно не прикрыл свои золотые зрачки веками.

Я отшатнулась, растерянная и расстроенная, а потом подбодрила себя, что так даже лучше. Если бы он сейчас поцеловал меня в теле Мари, я бы утонула в сомнениях, что будут мучить меня по ночам, не давая уснуть, бередя душу и вытаскивая на поверхность самые сокровенные страхи. Нет! Правильно! И хорошо, что он не поцеловал меня!

– Надо вернуть тело!

– Вернем тебе тело побыстрее!

Одновременно сказали мы и рассмеялись. Сначала тихо, лишь слегка улыбаясь, а потом смех захватил нас целиком, заставляя трястись плечи и откидывать головы назад. Напряжение разжало свою волчью хватку и отпустило. Мы поняли друг друга.

Я еще улыбалась, когда вдруг увидела «Дженни», что шла по аллейке в метрах пятидесяти от нас. Кертис окаменел и не сводил с моего истинного тела горящего взгляда, заставляя соленой ревности жечь душевные раны. На меня в теле Мари он так не смотрел...

Я вытянулась всем телом, ощущая себя собакой, что приняла охотничью стойку. Раззадоренное чувство справедливости требовало немедленно свести счеты с захватчицей, раненое сердце ныло о возмездии, а мозг требовал взять себя в руки. Весь вид «Дженни» говорил, что она не заметила нас, потому что постоянно поворачивалась в другую сторону, будто что-то отвлекало ее. Она шла поспешно, чуть ссутулив плечи, будто хотела стать невидимой и как можно быстрее преодолеть свой путь. А мы же с вами помним вечную осанку призрачной ведьмы под названием «кол в спине», ведь так? Ну очень подозрительно!

– Мутными делами пахнет, – перевел внимание на меня Кертис.

– Согласна, – я подняла на него взгляд, и то, как быстро он отвел свой в сторону, задело за живое. Ну, ведьма, ну, погоди!

– А это не наша ворона с ней рядом летит?

Присмотрелась внимательней и заметила черную тень, что задевала листья, двигалась рядом с ведьмой, перелетала с куста на куст, с дерева на дерево. Похоже, не одни мы не давали гримзе покоя!

Но как же я была рада видеть Таяну! Как же о многом хотела спросить! Но сейчас – неподходящее время. Эта призрачная захватчица явно намылились по делу, и, чует мое сердце, в воздухе буквально пахнет поисками гримуара. А нам ну никак нельзя допустить, чтобы она добралась до кладези знаний и дала нам в последствии жару. Интуиция подсказывала, что ведьма не будет такой слабой, как вчера, не позволит обмануть себя, обезвредить и лишиться сил, что теперь нужно держать ухо востро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.